

Карен Эбботт

ПРИЗРАКИ

ПАРКА

ЭДЕМ

*Король бутлегеров,
женщины, которые его преследовали,
и убийство, которое потрясло
Америку 1920-х*

ph

Карен Эбботт

**Призраки парка Эдем. Король
бутлегеров, женщины, которые
его преследовали, и убийство,
которое потрясло Америку 1920-х**

«Фантом Пресс»

2019

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Эбботт К.

Призраки парка Эдем. Король бутлегеров, женщины, которые его преследовали, и убийство, которое потрясло Америку 1920-х / К. Эбботт — «Фантом Пресс», 2019

ISBN 978-5-86471-900-8

В первые дни после принятия в США сухого закона, задолго до того, как имя Аль Капоне стало известно всем американцам, сын немецких иммигрантов Джордж Римус бросил юридическую практику и занялся торговлей виски. Через два года он стал мультимиллионером. На экстравагантных вечеринках в своем роскошном особняке в Цинциннати он, вместе с женой, светской львицей Имоджен, щедро одарял гостей: бриллианты – мужчинам, дорогие авто – женщинам. К середине 1921 года Римус контролировал 35 % всей торговли спиртным в США. Помощник генерального прокурора Мейбл Уокер Виллебрандт решила свергнуть “короля бутлегеров” с его трона. Она направила своего лучшего агента Франклина Доджа расследовать деятельность империи Римуса. Это решение имело смертельные последствия: Римус оказался в тюрьме, а его жена закрутила роман с ловким агентом. Они начали против Римуса интригу, которая достигла высших уровней власти и закончилась потрясшим Америку убийством. История, которую рассказывает Карен Эбботт, кажется невероятной, но она правдива от первого до последнего слова и полностью основана на исторических документах.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-900-8

© Эбботт К., 2019
© ФАНТОМ Пресс, 2019

Содержание

Примечание автора	7
Пролог: возмездие. 1927	8
Часть I	9
На длинном поводке	10
Показания Мари Римус	15
“Круг”	16
У жизни не много любимчиков	20
Показания А. У. Брокуэй	26
Папочка	27
Отряд Мейбл	31
Показания Карлоса Клеппера	35
Дом человека – его крепость	36
Вырвать сердце у Вашингтона	40
Показания Эмануэля Кесслера	46
Жуткий, жуткий крик	47
Показания Эммета Керджина	50
Необычайно длинный средний палец	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Карен Эбботт

Призраки парка Эдем

Туди и в память о Поу, блистательном и смышленном друге

Истина такова: Джей Гэтсби с Западного Яйца, Лонг-Айленд, был взлелеян ему же и принадлежавшей платоновской идеей его самого. Он был сыном Божьим – выражение, которое если что-нибудь и значит, то следующее: он должен исполнять Волю Отца Своего, посвятить себя служению великой, вульгарной, мишурной красоте. И он придумал Джей Гэтсби – какого только и мог придумать юноша семнадцати лет – и сохранил верность этому образу до самого конца.

Ф. Скотт Фицджеральд “Великий Гэтсби”

И облик сердца, я в конце концов

Начну его носить на рукаве,

Чтоб расклевали галки.

Я – не я.

Шекспир “Отелло”

THE GHOSTS OF EDEN PARK by KAREN ABBOTT

Copyright © 2019 by Karen Abbott

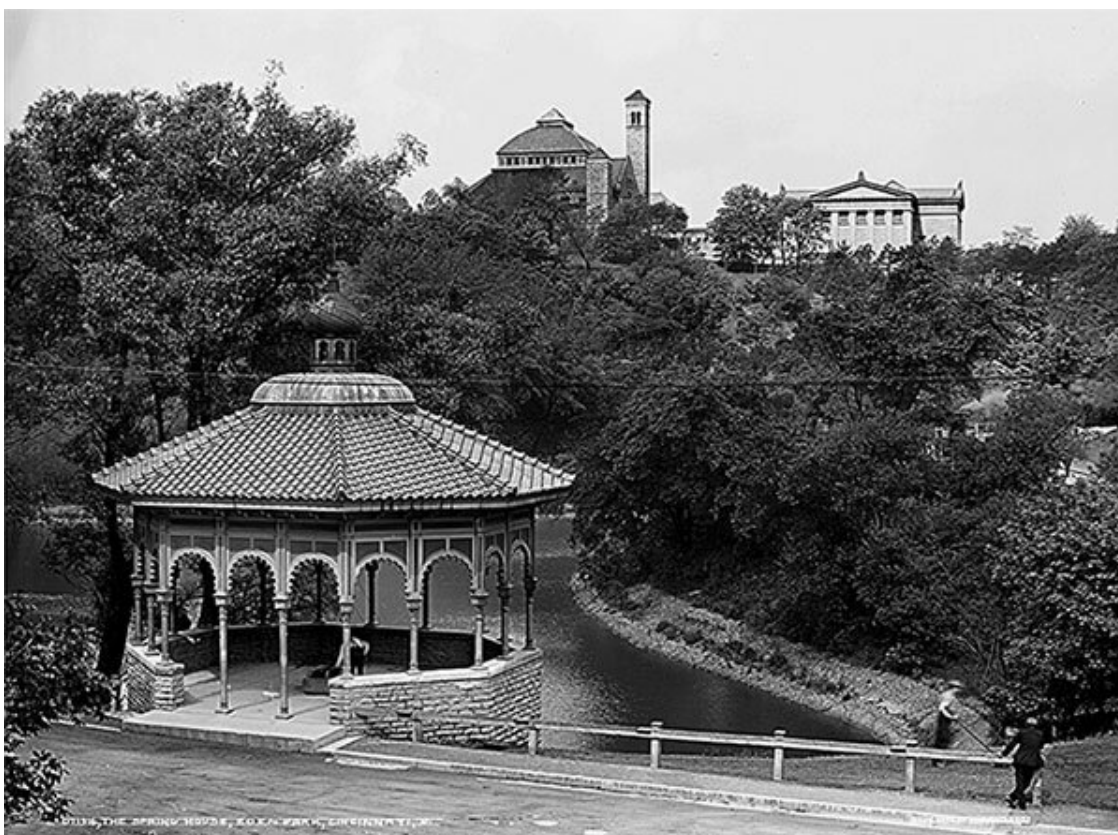
Это издание осуществлено при содействии Grove/Atlantic, Inc. и литературного агентства “Синопис”

© Мария Александрова, перевод, 2022

© “Фантом Пресс”, издание, 2023

Примечание автора

Какой бы удивительной ни казалась эта история, она полностью документальна, здесь нет ни одного вымышленного диалога. Все, что заключено в кавычки, почерпнуто из официальных справок, архивных документов, досье, дневников, писем, газетных статей, книг, а чаще всего – из показаний свидетелей и протоколов судебных слушаний. Один из таких протоколов, насчитывавший пять с половиной тысяч страниц, позволил абсолютно достоверно описать в деталях место действия, восстановить все диалоги и воссоздать мысли, поступки, особенности характера и личный опыт персонажей. Для краткости изложения некоторые свидетельские показания немного сокращены. Полный список примечаний и источников (в том числе для каждой фразы диалогов) представлен в конце книги.

Беседка Спринг-хаус в Эдем-парке. Цинциннати, Огайо

Пролог: возмездие. 1927

Он ждал этого утра и страшился его, понимая, что оно неизбежно наступит. Всего час назад он сидел за завтраком, а сейчас гонится за ней по Эдем-парку. Солнце, слишком жаркое для этого времени года, шпарило даже сквозь фетровую шляпу и раскаляло лысую голову. Шелковая ткань брюк скользила по коже. Он слышал шорох туфель по траве и хриплый присвист своего дыхания. На соседней улице сигналили застрявшие в пробке машины. Зычный натужный рев моторов, визгливые клаксоны, люди, стремящиеся куда-то. Выхлопные газы обжигали ноздри. Где-то позади, брошенный, остался его синий “бьюик” с шофером. Она хотела его убить, и он об этом узнал. Сознание блуждало в царстве теней, между рассудком и безумием.

Уже два года он не в себе. Друзья и компаньоны могут подтвердить, даже под присягой, разительные изменения, глубокую пропасть между ним тогдашним и нынешним. Он и прежде говорил о себе в третьем лице, но теперь такие заявления стали звучать чаще, эдакое диковинное расщепление, словно часть его самого вышла за пределы тела. От малейшего раздражения, от одного неловкого слова лицо его багровело, а черты скукоживались в отвратительную карикатуру. Он рассказывал о некоем гало, светящемся ореоле, возникавшем вокруг головы и что-то нашептывавшем, сопровождавшем его, куда бы он ни направлялся. Описывал видимые лишь ему мерцающие звездочки, их шлейфы оставляли яркие негаснущие пятна под закрытыми веками. Он бессвязно и без умолку бормотал о любви, предательстве и мести. Он требовал объявить федеральный розыск, надеясь подтвердить подозрения, теснившиеся в его мозгу. Он был непоколебимо убежден, что все вокруг желают его смерти: гангстеры из Сент-Луиса, та женщина федеральный чиновник из Вашингтона и – хуже всего – его жена, Имоджен, которая разрушила до основания его мир. Его Малышка Имо, его наивернейшая и налюбимейшая, его Премьер-министр, его сороконожка, его мартышка, его сокровище – разве мог он забыть эти старые милые прозвища из их прошлого? Он хотел только поговорить с ней, настаивал он. Возможно, он смог бы остановить дело, которому она дала ход. У него оставалось так мало времени.

И вот наконец она, на расстоянии вытянутой руки.

Она бросилась бежать, черное шелковое платье развевалось, как флаг. Он ускорил шаг, лишь бы не потерять ее из виду. И они встретились, лицом к лицу, под сенью беседки, осенний воздух только начал окрашивать листья. Он слышал ее голос, звук которого некогда сводил его с ума, наполняя дикой, безудержной радостью. Серебристо-кремовый проблеск сверкнул между ними: револьвер с перламутровой рукояткой.

Треск раздавшегося выстрела вспугнул птиц с деревьев.

Часть I Гонимый и погоня

Мейбл Уокер Виллебрандт в Министерстве юстиции, ок. 1921 года

На длинном поводке

Дом как будто из баварской сказки, весь в башенках и надстройках, опоясанный пряничными карнизами и колоннами, изогнутыми, словно высокомерно поднятые брови. Самый красивый дом в Прайс-Хилл, самом красивом районе Цинциннати, что пристроился высоко над рекой Огайо и ее долиной, вместившей жителей с их занятиями: деловой центр, чернокожие семейства Вест-Энда, немецких иммигрантов-пивоваров из района Овер-Райн, “над Рейном”, которым пришлось продавать рутбир³ в надежде пережить сухой закон. Он давно нарисовал в воображении свой “дворец мечты”. Римский сад, собственное бейсбольное поле, бассейн с подогревом, библиотека, полная книг – биографии президентов, поэмы Гомера и Мильтона, труды по мифологии и тайным знаниям, свидетельствующие об удивительной глубине его разума. В этом доме он станет однажды новым человеком, улучшенной версией самого себя. В этом доме мир узнает его имя.

В ноябре 1920-го Джорджу Римусу исполнялось 44 года, и первую половину своей жизни он провел, набирая разбег для второй. Он был воплощением нового десятилетия, провозвестником его величайших крайностей и самых безнадежных иллюзий. Он стремился стать лучшим в этой стране в выбранной профессии – профессии, которая в любую другую эпоху не расцвела бы столь бурно и не вышла бы из употребления столь стремительно. И пока Америка заново изобретала себя, Римус занимался тем же самым, неистово служа своей идее, защищая ее любой ценой.

Краугольным камнем этого творения, осью, позволяющей ему разогнаться и взлететь, была Августа Имоджен Римус, в прошлом Августа Имоджен Холмс. Имоджен, как она предпочитала себя называть, было тридцать пять; темноволосая, темноглазая, с роскошной фигурой, которой больше подошли бы турнюры и пышные рукава минувших эпох. Они познакомились пятью годами раньше, в его офисе в Чикаго, где Римус был одним из видных городских адвокатов, а Имоджен – уборщицей, подметавшей полы и протиравшей его стол.

Она рассказала ему о своем разводе, тянувшемся уже несколько мучительных лет, поскольку они с мужем расставались десятки раз, прежде чем обратились наконец в суд. Здесь Римус мог посочувствовать. Он сам пережил семейные распри. Лилиан – его жена и мать его дочери Ромолы – однажды подала на развод, обвинив его в “жестокости”, “злонамеренности” и регулярных “возвращениях домой на рассвете”. Со временем супруги помирились, но союз их был хрупок.

Имоджен поняла, что это ее шанс.

Римус согласился считать ее своей клиенткой и немедленно влюбился. Он рассказывал ей обо всем, делясь глубоко похороненными историями из своего прошлого, странностями, комплексами и навязчивыми привычками, которые сформировали его нынешнего. Он в подробностях пересказал свои первые воспоминания: путешествие из Германии на остров Эллис⁴ в 1883-м, куда в шесть лет от роду он прибыл с двумя сестрами и матерью, настолько затурканной, что, отвечая на вопросы иммиграционного офицера, она не смогла припомнить имена четырех своих умерших детей. В Америке они воссоединились с отцом Римуса Францем (теперь, на американский манер, Фрэнком) и поселились в Чикаго. Римус помнил, как отец возвращался навеселе из пивной на углу и как постепенно, неделя за неделей, превращался в жалкого и злобного алкоголика. Сам Римус поклялся, что никогда не возьмет в рот ни капли спиртного.

³ Безалкогольный газированный напиток, обычно на основе экстракта из корня сассафраса или из свеклы. – *Здесь и далее примеч. перев.*

⁴ Пункт приема иммигрантов в Нью-Йорке в устье Гудзона.

Когда Фрэнка скрутил ревматизм и он больше не мог работать, Римус бросил восьмой класс и нанялся в аптеку своего дяди в Вест-Сайде, за пять долларов в неделю. Вспышки отцовского гнева становились все страшнее, и Римус перебрался в аптеку, ночевал на раскладушке в кладовке и иногда месяцами не виделся с родителями и сестрами. Он называл себя “дьявольским отродьем аптекаря” – именно тогда его озарило: он может продать что угодно кому угодно на любых условиях, и неважно, насколько наглыми будут его требования или причудливыми его манеры.

Когда ему исполнилось девятнадцать, он выкупил аптеку у дядюшки за символические десять долларов и в последующие годы сумел всучить покупателям кучу всевозможных сомнительных зелий: “Слабительная эмульсия Римуса”, “Слабительные пилюли Римуса”, “Особое средство Римуса”, содержащее ртуть, “Тоник Лидии Пинкхем от Римуса” – без которого легендарный “коктейль Лидии” для облегчения менструальных болей якобы действовал недостаточно эффективно – и, наконец, его гордость, “Успокоительный тоник Римуса”, состоящий из жидкого экстракта петрушки, бромида натрия, ревеня и щепотки ядовитого галлюциногенного растения, известного как белена. Он так и не окончил курс в Чикагском фармацевтическом колледже, но требовал, чтобы покупатели называли его доктором Римусом.

Сменив профессию и став адвокатом, Римус привнес коммерческие навыки в свою практику. Он превращал зал суда в цирковой манеж, подпрыгивая, торжественно расхаживая, рыскающая и шныряя вдоль скамей присяжных. Во время перекрестных допросов своих клиентов он вцеплялся в остатки своей шевелюры, рыдая и самозабвенно завывая. Душераздирающие примеры из мировой истории постепенно подводили это действо к заключительному слову Римуса; однажды судья растрогался до слез, слушая описание невзгод Авраама Линкольна, когда тот работал барменом. Недоброжелатели наградили его презрительным прозвищем “Рыдающий нытик Римус”, почитатели именовали “Наполеоном чикагской адвокатуры”.

В одном громком деле Римус защищал мужа, обвиненного в отравлении жены. На протяжении всего процесса он держал пузырек с тем самым ядом у себя на столе, на виду у присяжных. Произнося заключительное слово, Римус медленно поднял пузырек над головой, чтобы присяжные смогли отчетливо разглядеть череп и кости на этикетке.

– На этом процессе много рассуждали о яде, – провозгласил он. – Но все эти разговоры – полный вздор. Смотрите!

Он залпом проглотил яд и продолжил свою речь. Присяжные ахнули, уверенные, что сейчас адвокат рухнет замертво. Но этого не произошло – и они вернулись из совещательной комнаты с оправдательным вердиктом. Впоследствии Римус раскрыл секрет: воспользовавшись своими познаниями в фармацевтике, он предварительно выпил настойку, нейтрализующую яд.

* * *

Примерно так же он “продал” себя Имоджен Холмс. Он устроил ее развод, и ей не пришлось выплачивать ему гонорар; более того, она бросила работу уборщицы и больше не заботилась о деньгах. Он оплатил ей аренду квартиры в Эванстоне, к северу от Чикаго, и проводил там больше времени, чем дома с женой. Он снабжал Имоджен деньгами, выписывая чеки по сто долларов на все, что она пожелает. Он “вытащил ее из канавы” и “сделал из нее настоящую леди”. Он обожал ее и был честен с нею. Он обещал защищать ее и ее одиннадцатилетнюю дочь Рут от всех скверных людей и обстоятельств.

Однажды весенним вечером 1919 года его обещания прошли проверку. Местный сантехник постучал в двери Имоджен, заявив, что нашел ее часы и готов вернуть их за пятнадцать долларов. Имоджен посчитала, что пяти будет вполне достаточно. Последовал скандал.

Римус любил скандалы и конфликты, как физические, так и интеллектуальные. Вопреки солидной комплекции – пять футов шесть дюймов роста и 205 фунтов веса⁵, – он был подвижен, ловок и силен. Он хвастался, рассказывая, каким был отличным пловцом и как в юности установил рекорд стойкости и закалки, просидев шесть часов в ледяной воде озера Мичиган. В бытность фармацевтом он однажды сцепился с покупателем, который пришел с жалобой, что обжег грудь приобретенной у него мазью; Римус выволок его на улицу и уладил дело, врезав жалобщику по физиономии. Когда в аптеку заявила группа теток, возмущенных его “ядовитыми снадобьями”, Римус плеснул на них нашатырем. Как адвокат он был известен тем, что набрасывался на оппонентов и затевал драки со свидетелями; порой доходило до потасовок прямо в зале суда. Его самонадеянность сдерживала только мысль, что кто-нибудь когда-нибудь сможет одержать над ним верх.

Вылетев из дверей квартиры Имоджен, Римус дал водопроводчику в глаз, расквасил ему нос, выбил зуб и – как был, в домашних шлепанцах, – погнал по газону.

Водопроводчик подал на него в суд. Римус защищался сам.

– Я действовал в рамках самообороны, как действовал бы любой настоящий мужчина, в котором есть хоть искра рыцарского духа, – утверждал он. – Этот бандит в стане водопроводчиков приставал к даме. Он буянил, скандалил, орал, вел себя непристойно, не реагировал на замечания, и я был просто вынужден применить абсолютно законные предписанные меры по выдворению его из дома.

Присяжные вернулись в зал через пять минут с вердиктом “невиновен”.

Его жена Лилиан подала на развод во второй и последний раз. В заявлении она вновь обвиняла Римуса в жестокости, утверждая, что бывали случаи, когда он бил ее, толкал, душил и пинал. Римус согласился на выплаты, отражавшие его успехи: \$50 000 единовременно, \$25 в неделю в качестве алиментов и \$30 000 в трастовый фонд на имя их дочери Ромолы. После этого он навсегда съехал из их дома, предоставив Имоджен возможность защищать его в прессе.

– Он истинный джентльмен, – утверждала она. – И все, что говорит его жена, ложь. В этом проблема нынешних жен: они не знают, как обращаться со своими мужьями. Не держите мужа на коротком поводке, отпускайте куда захочет... и он никуда не денется.

Возмущенная Лилиан выступила с заявлением. Она сообщила журналистам, что Римус несколько раз порывал с Имоджен, приказывая ей убираться из конторы и его жизни. Но Имоджен преследовала его, целыми днями хвостом увивалась за ним по Кларк-стрит, заглядывала в окна по ночам, угрожала пистолетом и твердила, что они с Римусом предназначены друг для друга.

* * *

С новой невестой, новым домом и будущей падчерицей Римус в очередной раз принялся обустроить свою жизнь, отбрасывая те детали прошлого, которые, по его мнению, не годились для его нового будущего. Проводя заодно переучет своих карьерных достижений, он обнаружил, что в списке назначенных к слушанию судебных дел появился новый тип подзащитного: обвиняемые в нарушении закона Волстеда⁶. Закон был ратифицирован в январе 1920 года для реализации Восемнадцатой поправки к Конституции США. Поправка запрещала производство, продажу и транспортировку спиртного внутри страны, а также импорт и экспорт алкоголя. Римус считал закон неразумным, нецелесообразным и практически неисполнимым,

⁵ 167 см и 92 кг.

⁶ Неформальное название Национального закона о запрете (*National Prohibition Act*), запрещавшего производство, перевозку и продажу алкогольных напитков в США с 28 октября 1919 по 5 декабря 1933 г.

и клиенты подтверждали его правоту, получая умопомрачительные доходы от того, что он называл “мелким карманным бутлегерством”. Они выплачивали ему гонорар сразу же, наличными, раскладывая веером купюры по столу, и никогда не жаловались на штрафы, налагаемые судом, независимо от их размера. Римус обнаружил, что единственным серьезным неудобством в жизни его клиентов, “так называемых лучших людей”, были трудности с добыванием хорошего виски. Он пришел к выводу, что подобные потребности, вероятно, испытывает вся страна и что если уж его клиенты – “люди совсем без мозгов” – преуспевали в решении этой проблемы, то сам он “имеет шанс сорвать большой куш”.

Планируя крупномасштабную операцию, Римус прошерстил закон Волстеда и отыскал лазейку в 6-м параграфе II раздела: по рецепту, выписанному врачом, разрешалось вполне законно покупать в аптеках и использовать алкоголь для “медицинских целей”. В привычной цветистой манере он назвал это “величайшей комедией, величайшим извращением правосудия, которое я когда-либо встречал в цивилизованной стране”. В голове его оформился план. Будучи лицензированным фармацевтом, Римус обладал необходимыми знаниями, чтобы поставить закон себе на службу в масштабе всей страны. Как адвокат, защищающий преступников, он мог проникнуть в образ мыслей и махинаций представителей преступного мира. Как убежденный трезвенник – умел взглянуть объективно на торговлю спиртным. А как авантюрист – жаждал острых ощущений и азарта, мечтал обставить не только конкурентов, но и правительство.

Тщательно рассчитав каждый шаг и взвесив возможные риски, он разработал следующую стратегию:

1) Закрывать юридическую практику в Чикаго и переехать в Цинциннати, поскольку в радиусе 300 миль от этого города хранилось 80 процентов всего виски, произведенного в стране до запрета.

2) Купить винокурные заводы и получить во владение тысячи галлонов этого виски на складах.

3) Приобрести оптовые фармацевтические компании, всегда указывая еще кого-нибудь в качестве владельца.

4) Под прикрытием этих компаний получить разрешение на изъятие спиртного, что позволит вывезти виски со складов и продать его – возможно, на лекарственном рынке.

5) Подкупить инспекторов по надзору за исполнением сухого закона, чтобы те не замечали чрезмерно крупных изъятий.

6) Создать транспортную компанию для перевозки алкоголя, организовать угон собственных грузовиков своими же сотрудниками и сбывать вывезенный виски на черном рынке по любой цене, которую он назначит. По сути, он будет грабить Римуса, чтобы заплатить Римусу.

Он дал имя этому грандиозному коммерческому спуту – “Круг”.

* * *

Имоджен тоже продалась Римусу; она была податлива, восприимчива к его идеям, страстно желала вылепить из себя его идеал. Она и ее дочь Рут стали его новой семьей. Она хранила его самые сокровенные тайны и подтверждала любую его ложь. Она никогда никому не рассказала бы, что Римус до ужаса боится привидений. Не проболталась бы, что его брат Герман умер в сумасшедшем доме. Имоджен ни словом не намекнула бы, что Римус официально так и не стал американским гражданином. И никогда не стала бы повторять странную историю смерти его отца: Фрэнк и мать Римуса Мари затеяли драку в баре, которая закончи-

лась для Фрэнка ударом по голове, и он скончался по дороге в больницу. Чтобы защитить мать и чтобы она не наплела невесть чего коронеру, Римус на три дня, пока шло расследование, запер ее на чердаке.

Римус предпочел верить, что с Имоджен его прошлое в безопасности, и вручил ей свое будущее. По пути в Цинциннати, 25 июня 1920 года, они сделали остановку в Ньюпорте, штат Кентукки, и поженились. Свидетельницей была Рут. Добравшись до “Королевы Запада”⁷, он снял номер люкс в отеле “Синтон”, гордом ответе Цинциннати нью-йоркскому “Астору” со своими оперными вечерами, библиотекой и кондитерской в стиле Людовика XVI. Они жили там, ожидая окончания ремонта в особняке в Прайс-Хилл, который принадлежал раньше Генри Лекману, хозяину ныне закрытой пивоварни. “Мы должны купить дом Лекмана”, – настояла Имоджен, особняк должен был стать символом их нового начала и статуса, величественным заслоном от прошлого. Римус купил дом за 75 000 долларов – рекордная цена для недвижимости в Цинциннати, но ничтожная доля от суммы, которую он положил в местный банк под вымышленным именем.

Неожиданно для самой новобрачной документы были оформлены на имя Имоджен – одно из многих решений, о которых он пожалеет.

⁷ Прозвище Цинциннати.

Показания Мари Римус

В: Как долго Джордж Римус жил дома и чем он занимался?

О: Пока ему не исполнилось четырнадцать. Потом я отвела его в аптеку к моему брату, потому что он всегда хотел зарабатывать, чтобы помогать семье.

В: Где Джордж прошел конфирмацию?

О: У преподобного Ландреха, пастора лютеранской церкви в Вест-Сайде.

В: Он работал в аптеке, пока не вступил в брак?

О: У моего брата была еще одна аптека, и он отправил Джорджа туда. Джордж столовался у него, пока работал, а сэкономленные деньги посылал мне.

В: Каким мальчиком был Джордж по отношению к матери и своей семье?

О: Хорошим мальчиком. Всегда посылал деньги. Когда его отец просил денег на пиво, а я не давала, Джордж всегда давал отцу денег.

В: Он продолжал помогать семье, после того как женился [на Имоджен]?

О: Да, всегда. И его жена бесилась от этого.

“Круг”

Обосновавшись в Цинциннати, Римус энергично принялся за дело. Взяв кредит в “Линкольн Банке”, где он открыл счет на имя “Джона П. Александра”, Римус купил аптеку в центре города и превратил ее в оптовую фармацевтическую компанию, что потребовало дополнительных инвестиций и филигранной ловкости рук. Забив полки лекарствами и косметикой на \$50 000, он обеспечил себе право приобретать и продавать виски. Как только компания вывезла со складов столько спиртного, сколько было возможно, чтобы не вызвать подозрений, он закрыл фирму, зарегистрировал другую и переместил туда необходимое количество медикаментов и косметики.

По такой же схеме он купил уже существующие оптовые фармацевтические компании – две в Нью-Йорке, несколько в Цинциннати и в придачу Кентуккийскую фармацевтическую компанию, сразу за рекой, в Ковингтоне. Он приобрел и винокурню “Г. Е. Пог” в Мэйсвилле, штат Кентукки, и начал переговоры о покупке еще нескольких. Римус заметил, что бутлегеры в Цинциннати ведут дела нагло и откровенно, при этом городская полиция и федеральные агенты не вмешивались – хотя Огайо считался центром Антисалунной лиги (штат следовал общенациональной тенденции: города были “мокрыми”, а сельская местность “сухой”). Аккуратное наведение справок выявило имена и расценки местных инспекторов, бравших по десять долларов за каждый вывезенный ящик виски.

Римус сформировал из своих сотрудников группы для осуществления разной специфической деятельности: “доверенные” должны были “подмазывать” правоохранителей; “диспетчеры” – помогать с доставкой, а еще секретари для подделки документов; личный шофер и личный повар. Джордж Коннерс, которого Римус называл своей “правой рукой”, стал его бесстрашным и ушлым заместителем. Римус познакомился с агентом по продаже недвижимости Коннерсом, старожилом Цинциннати, когда вел переговоры о покупке винокурен, и тот сразу ему понравился. Наконец, всегда “на подхвате” у него были брат Имоджен Гарри Браун и сама Имоджен, которой Римус пожаловал неофициальный титул “Премьер-министр”.

Римус обещал, что Имоджен станет его “партнером во всем” и будет контролировать деловые документы и планы, которые он не может доверить больше никому. Он предлагал ей участвовать в сделках, вкладывать личные средства – деньги, которые выделял ей в качестве содержания, – в его предприятия. Никому на свете Римус не верил столь безоговорочно и чувствовал себя абсолютно спокойным, передавая свои доходы и свое сердце в ее любящие и мудрые руки.

Круг завертелся. Через год Римус владел 35 процентами всего алкоголя Соединенных Штатов.

* * *

Римус боялся не полиции и не государственных инспекторов, а “виски-пиратов” – банд грабителей, которые рыскали по стране, выслеживая бутлегеров, а потом совершали налеты на склады, связывали охранников, затыкали им рты кляпом, перерезали телефонные провода и выносили все до последней бутылки.

Как только “Круг” начал расширяться, Римус понял, что становится мишенью. Его страхи обрели реальность в ту ночь, когда они вдвоем с шофером возвращались в Цинциннати из Ковингтона на грузовике, доверху нагруженном ящиками с виски. На середине моста ехавший рядом автомобиль вдруг резко свернул, перекрыв им путь. Шофер Римуса выскочил из кабины и стремглав рванул в сторону Цинциннати, предоставив Римусу самому разбираться с пробле-

мой. Четверо мужчин вскочили на подножку грузовика и, размахивая автоматами, заорали: “Руки вверх!” Каждый целился прямо в голову Римуса.

У шофера Римуса был револьвер, но, убегая, он прихватил его с собой. Римус остался без оружия. Мозг мгновенно оценил ситуацию: место налета ему на руку, полицейские обычно дежурят по обе стороны моста. При звуках перестрелки они перекроют пиратам пути к бегству.

– Жмите на курок! – дерзко ответил Римус. – Стреляйте, трусы, и тогда никого из вас не останется в живых, чтобы рассказать об этом!

Он понимал, что у него доли секунды на бросок, и мощно нырнул вперед, как пловец с бортика. Застав бандитов врасплох, он махал здоровенными ручищами, пока не добрался до чьих-то ребер и не опрокинул их владельца навзничь. Но тут же что-то, будто свалившись с высоты, страшно ударило его по голове, он сложился пополам и рухнул на колени, однако встал и вновь замахнулся, целясь кулачищем в другого пирата. Приклад автомата проделал вторую дыру в его скальпе, повергнув наземь. Пошатываясь, он опять поднялся, кровь заливала глаза. Развернувшись, Римус схватил нападавшего, поднял его над головой и потащил к краю моста, намереваясь сбросить в реку. Но вместо этого шмякнул об ограждение, оглушил и швырнул на землю.

Уцелевший налетчик отполз за колесо Римусова грузовика и заклинал дружков поскорее сматываться. Один из них поволок контуженного пирата в машину. Римус сцепился с последним нападавшим, бешено орудуя кулаками и едва различая его сквозь кровавую пелену. Пират отступил и забрался в грузовик Римуса. Оба двигателя завелись одновременно.

Но Римус не готов был сдаваться. Вскочив на подножку своего грузовика, он попытался стащить бандита с водительского сиденья. Удар по голове сбросил его на землю, и на этот раз он понял, что проиграл.

Грузовик тронулся, и вплотную за ним – фургон пиратов. Римус отер глаза от крови, прошел по мосту в Цинциннати и поехал на такси в больницу – накладывать швы на раны. Усвоив урок: в будущем все поставки спиртного должен сопровождать вооруженный конвой.

На следующей неделе Римус отыскал главаря пиратов, который огорошил его комплиментом: “У тебя яиц хватит на двадцать мужиков, забирай свое бухло, заслужил”. Римус рассмеялся и нанял нескольких парней из той банды водить грузовики, подстраховавшись от будущих нападений. В качестве дополнительной предосторожности приказал своему главному заместителю Джорджу Коннерсу найти более надежные, скрытые от посторонних глаз складские помещения, которые могут служить долгие годы.

* * *

В физическом и психологическом смысле Коннерс был противоположностью Римусу – и потому идеально его дополнял. Жилистый и крепкий, с пронизательным взглядом, сдержанный и замкнутый, настолько же тщательно скрывавший свои мысли и немногословный в речах, насколько откровенен и страстен был Римус в своих тирадах. Преданный муж и отец малютки-дочери, сын бедных ирландских иммигрантов, Коннерс, прежде чем стать агентом по продаже недвижимости, работал в комитете Демократической партии. Он поддерживал тесные контакты с местными чиновниками и бизнесменами. Если Римусу требовались новые склады, Коннерс мог это устроить.

Вскоре он сообщил Римусу об идеальном месте – туда можно подъехать на грузовике, и вместе с тем все расположено настолько удобно, что два человека запросто устоят против целой армии. Вместе они поехали в сторону городка Шевиот, в десяти милях к западу от Цинциннати. Потом свернули на Лик-Ран-роуд, сильно сужавшийся к концу извилистый проселок, по которому не ездил вообще никто. Ветви сотен грушевых деревьев, склоняясь, образовали полог из листьев – казалось, будто за ними начинается настоящий лес.

Однако вместо леса показался двухэтажный дощатый фермерский дом с примыкающими к нему тремя амбарами и еще какими-то хозяйственными постройками. Посреди этого скопища строений стоял крупный небритый мужчина лет пятидесяти на вид. Он представился Джорджем Дейтером, хозяином этого места. У него был небольшой бизнес – виноградник и винодельня, но с принятием сухого закона доходы рухнули до нуля, и Дейтер решил сдать ферму под склад. Одно условие: арендаторы должны быть готовы вывезти спиртное по первому требованию. Римус предложил сто долларов в неделю, и они ударили по рукам.

На следующий день Римус и Коннерс явились на грузовике, набитом виски. По мере того как они сгружали 250 ящиков, беспокойство Дейтера росло. На ферме он жил не один. Несколько комнат занимал его подручный Джонни Герам с женой и четырьмя маленькими детьми.

– Мы все влипнем, – причитал Дейтер, не в силах стоять на месте.

– Убирайся с дороги и заткнись, – сказал Коннерс, и они с Римусом продолжили работать, пока не забили склад полностью.

Хозяйство превратили в неприступную крепость. Отряд стрелков нес постоянное дежурство. Расположение фермы у подножия холма помогало следить за любым движением в округе; сами оставаясь незаметными, они видели каждого, кто спускался узкой тропкой по склону. Все средства защиты – винтовки, пистолеты, автоматы – были спрятаны в тайниках в стратегических точках.

Из старой избирательной кабинки соорудили наблюдательную вышку и установили ее перед входом, где охранник встречал покупателя. В центральном амбаре, напротив дома Дейтера, на сеновале залегла вооруженная охрана. Сам амбар был связан системой электрической сигнализации со вторым этажом дома, где по ночам дежурил еще один караульный. Проверенные клиенты въезжали во двор и трижды мигали фарами. По этому сигналу парни в амбаре нажимали кнопку звонка, и со второго этажа ударял сноп света, затмевающий луну и озаряющий все вокруг.

Местечко вскоре заслужило прозвище “Ферма в Долине Смерти” – в честь тех пиратов, что пытались пробраться туда, и с тех пор их никто не видел.

“Круг” не замирал ни на миг. Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю 147 грузовиков Римуса разъезжали по дорогам. Детишки, игравшие на Квин-Сити-авеню, бросали свои игры и радостно вопили: “Виски везут!” Всем предприятиям, связанным с производством и продажей алкоголя, запрет обошелся в тысячи потерянных рабочих мест, безработица коснулась барменов, официантов, шоферов, бондарей и стеклодувов. Римус нанял три тысячи человек, став одним из крупнейших работодателей в городе и де-факто героем: он обеспечивал горожан не только качественным виски, но и деньгами на его покупку.

Деятельность компании стала настолько масштабной, что он купил шестиэтажное офисное здание в центре Цинциннати и потратил 74 000 долларов на его ремонт, увенчавшийся закупкой мебели на заказ и выложенным в вестибюле мозаичной плиткой именем “Римус”. В этом здании он проводил совещания с начальниками складов и прочими подчиненными, разрабатывая планы достижения главной цели – завладеть всем виски Америки и стать единственным бутлегером этой страны.

Римус целенаправленно формировал свой новый образ, добавляя одни детали и отбрасывая другие, оттеняя и уточняя свои черты. Каждое свое высказывание он заполнял словами до отказа, никогда не обходился одним словом там, где можно было вставить дюжину: “Я должен обуздать свое естество”; “На повестке дня вопиющая и нестерпимая доктрина”; “От неизбывной полноты моего благодарного сердца”. В добром расположении духа Римус был чрезвычайно любезен, разукрашивая свою речь такими оборотами, как “если вас не затруднит”, “если возможно”, “если мне позволено будет заметить” и “могу ли я обратить внимание”. Некото-

рые слова он произносил с отчетливым немецким акцентом. Улыбался он реже, чем смеялся – пугающим, агрессивным смешком, который в самый неподходящий момент вторгался как в молчание, так и в беседу.

Он развил в себе брезгливость, граничащую с фобией. Римус стал остро восприимчив к грязи и беспорядку, к слабым местам в недостаточно продуманных планах, к любым ограничениям, угрожающим свободе тела или духа. Постепенно он заменил свой прежний гардероб сшитыми на заказ шелковыми костюмами, словно это был единственный материал, прикосновение к которому выносила его кожа. Он терпеть не мог, когда пуговица на воротничке прижималась к шее. Никогда не носил нижнего белья.

Подчеркивая собственную значимость, начал говорить о себе в третьем лице. “Римус занимается торговлей виски, – говаривал он. – И Римус самый главный человек в этом бизнесе. Цинциннати – это американская мекка хорошего алкоголя, и Америке придется обращаться за выпивкой к Римусу”. Таким образом, он со временем развил в себе способность рассматривать даже самые личные вопросы со стороны, как бы извне, словно другой человек завладел его мыслями и страхами и решил самостоятельно действовать на их основе.

* * *

Хотя Римус чувствовал себя неуязвимым, чиновники в Вашингтоне обратили внимание на подозрительную активность в Огайо. Осенью 1920 года, незадолго до выборов президента Уоррена Дж. Гардинга, Министерство финансов связалось с Уильямом Меллином, тридцатидвухлетним специалистом по прослушиванию телефонных переговоров. Приехав из Нью-Йорка в Цинциннати, тот снял номер в отеле “Синтон” рядом с номером Римуса и получил дубликат его ключей.

Как-то утром, когда Римус, Иможден и Рут отсутствовали, Меллин проник в их номер и выяснил, что добавочный номер телефона Римуса 707. В подвале отеля он отыскал узел для номера 707 и подключился к нему. Теперь, когда Римусу звонили, звонок раздавался и в номере Меллина.

В течение дня Меллин установил, что апартаменты Римуса посетили сорок четыре человека. Многие из них были местными агентами Бюро по запрету либо шерифами и их помощниками. Римус вручал взятку каждому посетителю, примерно по тысяче долларов, и согласовывал очередную поставку: восемнадцать загруженных виски машин выехали из Ковингтона. Написав отчет, Меллин связался с федеральным агентом в Цинциннати.

– Здесь компромат на Римуса, – доложил он. – Что мне делать теперь?

Агент молча просмотрел доклад Меллина. И в конце концов сказал:

– Мальчик мой, приходи завтра.

Меллин так и сделал и напомнил агенту, что у него есть досье на Римуса.

– Сынок, где ты работаешь? – поинтересовался агент.

– В Нью-Йорке, – ответил Меллин.

– Сынок, – вновь произнес федерал. – Бывают времена, когда человеку приходится действовать благоразумно. До выборов осталось несколько недель, а информация, которую ты раскопал, это политический динамит. Люди, за которыми ты шпионил, – агенты, шерифы – связаны с политиками. Возвращайся в Нью-Йорк и забудь об этом деле.

Меллин обдумал совет и вместо этого решил доложить о своих открытиях в Вашингтон. Когда обнародовали результаты выборов и к власти пришла администрация Гардинга, Меллин все еще ждал ответа. Которого так никогда и не последовало.

У жизни не много любимчиков

Весной 1921 года, вскоре после инаугурации Гардинга, Римусу позвонил Элиа Золин, старый коллега-юрист из Чикаго. Некий чин из Министерства юстиции – близкий друг генерального прокурора Гарри Догерти, не меньше, – проговорился, что правительство желает, даже стремится руководить деятельностью бутлегеров. За определенную сумму Римус мог бы получить неограниченное количество официальных разрешений на вывоз виски. Если Римуса это заинтересует, Золин может устроить встречу на нейтральной территории в Нью-Йорке.

Учитывая постоянно расширяющуюся сферу деятельности “Круга” и сопровождающие этот процесс риски, предложение всерьез заинтересовало Римуса. Всякий раз при вывозе партии виски возникала вероятность, что какой-нибудь честный инспектор Бюро по запрету вдруг обнаружит, что его подчиненные торгуют разрешениями. Чтобы снизить вероятность этого, Римус раздобыл (за смешные \$1,48) резиновую печать-факсимиле с подписью директора местного офиса Бюро по запрету, которая позволяла обойти стандартную процедуру одобрения. Но масштабные подделки документов определенно создавали серьезную угрозу. Покупка подлинных разрешений напрямую у федерального правительства, как предлагал Золин, упростила бы процесс и свела опасность к минимуму.

В назначенный день Римус и Золин появились в лобби отеля “Командор” на Манхэттене. Они сели за столик, скрытый за фалангой белых мраморных колонн и каскадами папоротников. Римус наблюдал, как через вращающиеся двери вошел мужчина и направился к ним. Странный тип, коренастый и приземистый, с багровым лицом и криво подстриженными щетинистыми усами. Оправа темных очков оставила вмятины на его пухлых щеках. Одет он был подчеркнуто монохромно: шляпа, галстук, твидовый костюм, носовой платок и шелковые носки одного и того же нейтрального оттенка. Одиноким цветовым пятном сиял перстень с бриллиантами и рубином.

Представив их друг другу (“Джордж Римус, знакомьтесь, это Джесс Смит”), Золин удалился. Журчание фонтана рядом заглушало слова собеседников.

Смит заговорил первым, при каждом слове изо рта у него вылетали капельки слюны. Да, он слышал, что Римус “довольно крупный предприниматель” в индустрии виски. За “некоторое вознаграждение” он может обеспечить Римуса разрешениями, необходимыми для вывоза со складов всего спиртного, произведенного до запрета. На этих разрешениях будут стоять подписи столичных чиновников из Бюро по запрету, которое подчиняется непосредственно Министерству юстиции, – дополнительные гарантии на случай, если Римус столкнется с особо подозрительными начальниками на местах. Как они оба знают, каждое разрешение позволяет вывозить один ящик, содержащий три галлона⁸ спиртного. Какую долю может предложить ему Римус?

Римус уже все обдумал. За каждое разрешение он готов платить Смицу от полутора до двух с половиной долларов – различия в оплате, пояснил он, зависят от размера партии. Первое разрешение – для Центральной фармацевтической компании в Нью-Йорке, которой Римус уже владеет, и для “Винокурни Флейшман” в Цинциннати, которую он твердо намерен купить.

Урегулировав этот вопрос, собеседники перешли к следующему. Смит предложил воспользоваться его политическими связями – в частности, его близкими отношениями с генеральным прокурором Догерти, чтобы прикрыть Римуса от проблем с законом. Если вдруг возникнут “разборки” и Римуса привлекут к ответственности за бутлегерство, Смит обещает, что обвинения не будут вынесены. А если по какой-либо необъяснимой причине Римуса все же обвинят, Смит вызовет “бога из машины” в виде помилования от Догерти. За эту услугу Смит

⁸ 1 галлон равен 3,785 литра.

хотел бы получить для начала пятьдесят тысяч. Римус, не колеблясь, сунул руку в карман и извлек пятьдесят тысяч долларов – банкнотами по тысяче.

Они пожали руки, договорившись вскоре встретиться вновь.

* * *

Дальше по коридору от рабочего стола Джесса Смита, в кабинете номер 501 здания Министерства юстиции, сидела Мейбл Уокер Виллебрандт, помощник генерального прокурора Соединенных Штатов и самая влиятельная женщина в стране. Всего девятью месяцами ранее ей вместе с остальными взрослыми гражданками страны было даровано право голоса. Ей исполнилось тридцать два года, пять лет назад получила диплом юриста и пока довела до суда одно-единственное уголовное дело. Вскоре ситуация изменится, поскольку она была назначена ответственной за все дела, имеющие отношение к исполнению сухого закона, в том числе за установление личностей главных бутлегеров и привлечение их к ответственности.

Как и Римус, Виллебрандт всегда осознавала, что предназначена для великих подвигов и славы. Тоска и депрессия годами преследовали ее, и прыжок в неведомое был единственным средством исцеления. “Всю жизнь, – писала она, – я испытывала необъяснимое чувство, с которым часто боролась, будто нечто постоянно напоминает мне: «Ты избрана, чтобы в критический момент стать орудием Господа». Это может предвещать опасность или бесчестье или причинить мне страшные душевные муки, но я не в силах избежать своей судьбы”.

Телефонный звонок бывшего преподавателя привел ее на этот новый и захватывающий путь. Есть место в федеральном учреждении, сообщил он, Аннет Эбботт Адамс, помощник генерального прокурора в течение второго президентского срока Вудро Вильсона, подала в отставку, и республиканцы, жаждущие заслужить расположение победивших суфражисток, хотят, чтобы ее на этом посту заменила женщина. Вскоре после звонка пришла телеграмма от генерального прокурора Догерти с предложением срочно явиться в Вашингтон для встречи с президентом Гардингом.

Впервые в жизни Виллебрандт засомневалась.

У нее определенно был подходящий характер для такой работы. Родившаяся в глухой дыре где-то на равнинах Канзаса, Виллебрандт росла в ту пору, когда звезда американского фронта клонилась к закату; время и место требовали от женщин той же стойкости, что и от мужчин, и наказывали их с равной суровостью, если те не справлялись. Ее домом была палатка девять на двенадцать футов, которую ставили и сворачивали на равнинах Канзаса, Миссури и Оклахомы; ее родители спасались от природных катастроф и предавались бесплодным мечтам. Одно из ее ранних воспоминаний – как поток воды врывается в их палатку, мать переворачивает кухонный стол и превращает его в плот, пока вода не отступает.

Ее родители, потомки немецких первопроходцев, неустанно работали над формированием ее характера. Однажды, когда девочке было семь лет, отец обругал ее за то, что “ведет себя как ребенок”, и этот упрек она приняла как комплимент. “Он, должно быть, считает меня старше, лучше, думает, я способна на большее, чем ребенок! Какого семилетку не вдохновит и не подбодрит такое!” Когда она куснула за ухо их котенка, отец в ответ укусил за ухо ее саму. Она разработала четкую философию, которой следовала до конца дней: “Смотри выше и дальше текущей задачи”. Прежде чем доить корову на ферме в Канзасе, она всегда устранилась так, чтобы во время работы смотреть на закат. “У жизни не много любимчиков”, – говаривала она и определенно не считала себя одним из них.

В тринадцать лет Мейбл пошла в школу и принялась впитывать разнообразные знания, анализируя каждый факт, попадавший в поле внимания. После того как Мейбл поставила под сомнение доктрину непорочного зачатия, из школы она была тут же исключена. Начав

собственную преподавательскую карьеру в 1908 году, она составила резюме, заявлявшее о поистине немислимом диапазоне эрудиции: английский язык, английская литература, писательское мастерство на английском, грамматика, ораторское искусство, каллиграфия, американская история, современная история, история Англии, древняя история, латинский язык, арифметика, алгебра, геометрия, естественные науки, ботаника, зоология, биология, физиология, физическая география, гражданское право, геология, педагогика, музыка, черчение, домоводство, экономика домашнего хозяйства, лепка из глины, даже гимнастика и бейсбол. Она не терпела неуважения со стороны учеников. Однажды мальчик, которому она пригрозила наказанием розгами, напал на нее с ножом. Ловким движением Мейбл отобрала у него оружие и осуществила, как она впоследствии это назвала, “показательную порку”.

Виллебрандт переехала в Пасадену, где не только работала директрисой и учителем восьмого класса в средней школе Линкольн-Парк, но и изучала юриспруденцию в Университете Южной Калифорнии. В последнем семестре она на общественных началах работала в полицейском суде, умело применяя свой бесстрашный интеллект и бесстрашное самообладание в интересах клиентуры – исключительно женской. Как первый в Лос-Анджелесе общественный защитник-женщина, она участвовала в двух тысячах судебных процессов, по большей части по обвинению в проституции. Придя в ярость от того, что “клиентов” редко арестовывают и заставляют являться в суд, она воспользовалась процедурой, которая позволяла ее подзащитным требовать суда присяжных, обязав таким образом этих мужчин присутствовать на заседаниях. Она избегала сентиментальности, предпочитая честную практическую поддержку. Когда одна из подзащитных, бандерша, попросила у нее совета, как бы “завязать”, Виллебрандт подсчитала сбережения женщины, выяснила, что та могла бы выйти на пенсию примерно через полгода, и даже одолжила ей денег, чтобы начать новую жизнь.

Она могла бы продолжать частную практику, берясь за дела по закладным и кредитам, а попутно работая общественным защитником, но Вашингтон манил ее. Банковский счет Виллебрандт был почти пуст, ей пришлось влезть в долги, чтобы купить билеты до столицы и новую блузку. В день встречи с Гардингом Виллебрандт с утра, как всегда, приняла ледяной душ и прикрепила слуховой аппарат, от которого все больше зависела в последние годы, прислушиваясь к невнятным показаниям свидетелей и тихому бормотанию совещающихся адвокатов противной стороны. Зеркало отражало ненакрашенное лицо, на котором выделялись глаза – огромные, глубоко посаженные, все вбирающие и почти ничего не выражающие, хранящие чужие тайны, но не выдающие своих. Битый час она методично укладывала волосы, добиваясь, чтобы они прикрывали слуховой аппарат, а потом прятала батарейки за корсаж.

У Виллебрандт имелись некоторые опасения по поводу предлагаемой должности. Начать с того, что она не планировала становиться обвинителем и всегда получала удовольствие, “действуя на другой стороне”. Ее долгосрочные амбиции были связаны с гражданским правом, а не с уголовным. Ей пришлось бы полностью отказаться от частной практики, оставив партнеров работать дальше в одиночку. Тревожные вопросы засели в голове: а что, если в этой роли она будет просто куклой, женщиной, которая должна только ставить галочки в документах на подпись? Не окажется ли она на бессмысленной, не имеющей никакого значения должности, не станет ли угождать друзьям президента, а вовсе не отстаивать закон?

Гардинг сумел успокоить ее. Он ей сразу понравился – “высокий, доброжелательный, заинтересованный и любезный”. Неукротимое дружелюбие казалось его величайшей силой и одновременно самой слабой стороной. Виллебрандт почувствовала, что суматохе публичной жизни Гардинг предпочитает уединение и тишину – склонность, прекрасно понятная и ей самой.

* * *

Работа помощника генерального прокурора была ей совершенно незнакома. Вообще-то она не была знакома *никому*, поскольку предполагала службу в новом отделе Министерства юстиции, занимавшемся новым законом. Виллебрандт отвечала за федеральные налоги, тюрьмы и, самое главное, за все дела, имеющие отношение к закону Волстеда. Тот факт, что сама она не поддерживала сухой закон и до его вступления в силу была не прочь при случае пропустить бокал вина, нисколько не мешал ей безжалостно претворять закон в жизнь.

Перед Мейбл Виллебрандт была поставлена по-настоящему масштабная задача. У Соединенных Штатов две протяженные сухопутные границы и 18 000 миль береговой линии – все это без труда преодолевается. Спиртное доставляют контрабандой на самолетах из Мексики в Сан-Антонио, в Техас, там его прячут в тюках сена и перевозят дальше на грузовиках. От восьми до десяти караванов судов из Канады причаливают каждую ночь в разных точках полуострова Мичиган, направляемые лучами прожекторов. В ходе своих ежедневных рейдов в Атлантический океан баржи нью-йоркских мусорщиков встречали суда с грузом рома и доставляли алкоголь на берег. К Лонг-Айленду запускали наполненные спиртным торпеды, в море болтались буйки в форме бутылок, полные спиртного, на кораблях устанавливали фальшивые трубы, в которых везли алкоголь, особые “алкогольные подлодки” всплывали из морских пучин, а трюм одного морского буксира вмещал столько выпивки, что ее хватило бы на тридцать новогодних вечеринок, – и все это проскальзывало мимо береговой охраны, офицерам которой хорошо платили, чтобы смотрели в другую сторону.

Нелегальная торговля алкоголем процветала и внутри страны, обязанная своими масштабами ошеломляющему количеству спиртного, произведенного до запрета. Оно хранилось повсюду: более пяти сотен винокуренных заводов могли похвалиться ежегодной мощностью в 286 миллионов галлонов крепкого алкоголя всех видов; более тысячи двухсот пивоварен производили сотни миллионов галлонов пива. Очень легко было отыскать лазейки в законе и воспользоваться всяческими исключениями, чтобы превратить собственный дом в крошечную винокурню и контрабандой поставлять продукцию тысячам жаждущих клиентов. Термин “бутлегер” – первоначально относившийся к торговцам выпивкой, которые провозили запретный продукт в индейские резервации, пряча фляжки за голенищами сапог, – становился все популярнее и применялся все шире. Теперь бутлегером мог стать кто угодно и для перевозки использовались не только сапоги.

Инвалиды прятали бухло в пустотах деревянных протезов. Дамы подвязывали бутылочки к каждой нити своих корсетов. Парикмахеры хранили виски во флаконах с якобы лосьонами на полках. Облава в кондитерской в Хелене, штат Монтана, обнаружила автоматы для газировки, выдающие двойные порции виски. Фермеры прятали перегонные аппараты в стойлах, коровниках, хлевах и погребах, куда вели специально вырытые тоннели. Профессиональные бутлегеры, обеспокоенные затоваренностью рынка, снизили цену с четырех до двух долларов за пинту.

Конкуренция в торговле алкоголем нарастала – а вместе с ней и насилие. Знаменитый чикагский гангстер Джеймс “Большой Джим” Колозимо был застрелен в собственном ресторане. В Дугласе, штат Аризона, за одну неделю застрелили четырех федеральных агентов. В Цинциннати виски-пираты охотились на бутлегеров, стычки между ними заканчивались перестрелками и внушительным количеством смертей. Чтобы добиться успеха, Виллебрандт необходима была поддержка общества, силы неподкупных “сухих” агентов и немалая доля удачи.

У Виллебрандт был только один существенный недостаток, как пошутил президент Гардинг в завершение их беседы, – молодость. Она же, рассмеявшись, заверила, что с возрастом непременно от него избавится.

* * *

В обстановке кабинета главенствовал сверкающий письменный стол красного дерева, размером с баржу, на котором стоял телефонный аппарат; резиновая печать-факсимиле с ее подписью – тоже полезная штука, учитывая ее хаотичные каракули, покатая траектория которых на странице намекала на приверженность калифорнийскому кларету, который она так любила и по которому скучала. Виллебрандт распаковала блокноты, записные книжки, линованную бумагу, справочные тома в кожаных переплетах с золочеными обрезами и сливочного оттенка страницами. На стене позади своего вращающегося кресла она повесила цитату из Коттона Мэзера⁹: “Порой жалуются, что хороший адвокат редко бывает хорошим соседом. Вы можете опровергнуть это, джентльмены, применив свои юридические навыки во благо своих соседей”.

Заглянули представиться три юриста, две стенографистки и секретарь – ее личный штат. Они прозвали ее Королевой. Жалованье Виллебрандт составляло семь с половиной тысяч долларов в год, как у члена Конгресса. В биографических статьях журналисты называли ее “милой и юной” адвокатессой и любопытствовали, удастся ли ей опровергнуть “вековое присловье, будто женщина руководствуется исключительно чувствами, а не логикой”. Она же настаивала, что женщин не следует утверждать на государственные должности только потому, что они женщины, – подобная практика несправедлива по отношению к обществу в целом и к женщинам в частности. “В то же время, – поясняла она, – я в достаточной степени феминистка, чтобы придерживаться мнения, что не существует такой профессиональной или общественной деятельности, с которой не могла бы справиться женщина”.

Виллебрандт довольно скоро выяснила, что бутлегеры представляют собой лишь одну из граней проблемы. Другой, обескураживающей, оказались политики. Никто из ее боссов не был заинтересован в войне с алкоголем в одном строю с Виллебрандт – начиная с президента Гардинга. Будь они в этом заинтересованы, едва ли их выбор пал бы на мало кому известную выпускницу университета без всякого прокурорского опыта.

Будучи сенатором от Огайо, Гардинг был “сухим” только на словах, придерживаясь этой позиции, исключительно чтобы избежать конфликта с Антисалунной лигой. Он считал сухой закон бесполезным и, в отличие от Виллебрандт, отказывался следовать его принципам, соблюдая воздержание в своей личной жизни. Одним из первых его шагов в качестве президента было распоряжение перевезти приобретенное до 16 января 1920 года спиртное на 1800 долларов из его дома на Вайоминг-авеню в Белый дом. В общественных пространствах Белого дома Гардинг соблюдал приличия, но наверху, во время регулярных карточных игр с друзьями и разными важными персонами, включая Гарри Догерти и его помощника Джесса Смита, спиртное подавали в открытую.

Министр финансов Эндрю Меллон, в чьем ведении находилось Бюро по запрету, был открытым “мокрым” политиком и настойчиво протестовал против Восемнадцатой поправки. Еще до ее ратификации этот банковский магнат вложил миллионы в торговлю спиртным, даже прикупил завод “Олд Оверхолт”, производивший старейший сорт американского виски. Комиссар по запрету Рой Хейнес, ставленник Гардинга и виднейший выразитель “сухой” точки зрения, лично гарантировал изобилие выпивки на покерных вечеринках в “Маленьком зеленом доме на К-стрит” – викторианском особняке, обжитом членами президентской “Банды из

⁹ Американский проповедник, публицист и ученый XVIII века.

Огайо». Ящики виски доставляли на фургонах банка “Уэллс Фарго” в сопровождении вооруженных охранников. (Виллебрандт называла Хейнеса “политиком в овечьей шкуре”.) Джесс Смит частенько навещался в Маленький зеленый дом, как и многие бутлегеры, кому нужны были преференции от федеральных властей, включая разрешения на вывоз алкоголя, которые предоставляли доступ к легальному виски, произведенному до принятия сухого закона.

И хотя рабочий стол Смита стоял так близко к ее собственному, Виллебрандт понятия не имела, чем тот занимается в рабочее время и что вообще входит в его обязанности. Она знала лишь, что после того, как жена Догерти, Люси, угодила в балтиморскую Больницу Джона Хопкинса с артритом, генеральный прокурор и Смит поселились вместе в роскошном люксе “Уордман Парк Отеля”. Насколько могла судить Виллебрандт, Смит был “наполовину посыльный, наполовину доверенный камердинер”, который выполнял мелкие поручения, покупал железнодорожные билеты и носил чемоданы генерального прокурора. Сам Догерти сказал ей так: “Не обращайтесь на Джесса. Если появятся какие-то указания для вас, я сам вам о них сообщу. Для этого у меня на столе стоит телефон”.

Первое поручение, переданное Догерти, пришло в форме телеграммы. Автором донесения был Джеймс Р. Кларк, федеральный окружной прокурор из Огайо, который описывал “невероятные события” в Цинциннати. Хотя его подчиненным удалось выиграть в суде много дел по обвинению в нарушении запрета на алкоголь, сейчас они столкнулись с делом “настолько масштабным и грозным такими последствиями”, что потребовалась помощь Вашингтона. Тщательное расследование, проведенное квалифицированными агентами, могло бы, по его мнению, “покончить с этим так называемым алкогольным «Кругом»”.

Виллебрандт раскрыла коричневую папку с надписью “Министерство юстиции: регистрация писем и документов” и вложила туда телеграмму. Вскоре на папке появится всего одно слово, подчеркнутое твердой рукой. *РИМУС*.

Показания А. У. Брокуэй

В: Чем вы занимались, прежде чем стать управляющим фермой?

О: Была помощником байера в “Карсон, Пири, Скотт & компания” в универмаге в Стейт-н-Мэдисон¹⁰.

В: Когда вы познакомились [с Имоджен Римус]?

О: Где-то в 1917-м, не могу сказать точно. В последний год войны, еще до подписания перемирия.

В: Как вы познакомились?

О: Мы проводили грандиозную акцию, рекламировали стиральные машины и электрические утюги, и она пожелала купить кое-что. Она обратилась ко мне, это было по моему ведомству. Все делалось под моим руководством, и я впоследствии продал ей гладильную и стиральную машины в рассрочку.

В: Она оплатила покупку?

О: Сделала несколько платежей в течение месяца или двух.

В: А кто выплатил разницу?

О: Окончательно расплатился мистер Римус. Не в рассрочку, а всю сумму сразу.

В: Обсуждали вы с ней тогда Джорджа Римуса?

О: Несколько раз она говорила, что он хороший человек, что она получит его денежки, что она собирается отбить его... она сказала, что “спутается с ним ради его бабок”. Это ее слова. Она говорила мне, что получит все его состояние и научит его, как заработать еще больше... Сказала, что выйдет за него, если будет нужно, но вообще-то не хочет этого.

¹⁰ Район в Чикаго.

Папочка

Когда Имоджен не занималась делами фермы в Долине Смерти, контролируя отправку заказов или встречая клиентов, Римус уговаривал ее проехаться по магазинам и присмотреть что-нибудь для обустройства их дома – какие-нибудь штучки и безделушки, которых нет больше ни у кого в городе. Без устали она скупала золотые тарелки и серебряные столовые приборы, на которых гравировали инициалы “Дж. Р.” в честь ее мужа. В одной из таких поездок она заметила пару каменных львов у входа в старинный магазин на Эдвард-роуд и приказала шоферу остановиться. Выйдя из лимузина, Имоджен царственно прошествовала в здание и без всяких преамбул потребовала упаковать львов. Когда клерк сообщил, что львы не продаются, она велела вызвать менеджера и назвать цену. Быстро смекнув, тот назвал цифру, во много раз превышающую реальную стоимость, в надежде, что Имоджен передумает. Но нет. Кивнув, она достала чековую книжку – сотысячный бриллиант сверкнул на пальце – и беспечно выписала чек на четыре тысячи долларов. Львы встали на страже у входа в особняк молчаливыми свидетелями всего, что происходило внутри.

Римус не жалел денег и на ее дочь Рут, которую намеревался официально удочерить. Они с Имоджен записали тринадцатилетнюю девочку в Академию Святейшего Сердца, закрытый пансион в пригороде Цинциннати Клиффтоне. Управляли пансионом монашки французского ордена, по всей вероятности понятия не имевшие, кто такой Римус. Забирая по специально оговоренным дням девочку домой, семейный шофер приезжал за Рут на красном “пирс-эрроу”. Имоджен ждала на заднем сиденье, не желая в компании других мамаш вступать в беседы с монахинями.

Рут занимала одну из трех личных спален и прославилась своим экстравагантным имуществом: пузырьки с духами *Guerlain*, шубка из натурального меха ондатры, отделанный кружевом нежно-желтый пеньюар из атласа, вполне годившийся в приданое новобрачной. Любимым подругам-одноклассницам она дарила золотые и платиновые статуэтки, усеянные бриллиантами, стоимостью пятнадцать тысяч долларов каждая. Римус называл ее “Принцесса”.

Для Имоджен у него, конечно же, тоже были прозвища. Вдобавок к “Премьер-министру” он звал ее своей “Маленькой пышечкой”, “Сладкой булочкой”, “Зеницей ока – не одного, обоих” и попросту “Джени”. У Имоджен для него было только одно словечко: “Папочка”.

Никогда прежде Римус не был настолько счастлив и поглощен кипучей деятельностью, настолько уверен, что жизнь и впредь будет катиться по столь же быстрому, благоприятному и проверенному маршруту. Он заполнял работой каждую минуту, его, как он уверял, фотографическая память фиксировала детали, которые он не хотел доверять бумаге. Всегда находилась сделка, которую надо обмозговать, встреча, которую надо устроить, поезд, на который успеть, туда-сюда – Чикаго, Нью-Йорк, Вашингтон, Коламбус, Индианаполис, Лексингтон, Сент-Луис и Луисвилл. Он коллекционировал новых клиентов и знакомства – включая, если верить легенде, Ф. Скотта Фицджеральда.

Когда же останавливался поразмыслить – редкая роскошь по тем временам, – даже он сам осознавал масштабы и хитросплетения своей поразительной империи, то, как ее бесчисленные щупальца и усики цепляются друг за друга и переплетаются, забирая у одного и передавая другому, образуя систему, которая начинается и заканчивается в нем самом. Его цепь винокурных заводов и фармацевтических компаний протянулась через девять штатов, от Нью-Йорка до Канзаса; некоторые были зарегистрированы на его имя, другими он владел под псевдонимом. Среди его клиентов был главарь чикагской мафии Джонни Торрио, закупивший у Римуса тысячи ящиков кентуккийского бурбона для своего подпольного кабака “Четыре двойки” (которым управлял его честолобивый протеже Аль Капоне). Даже сам Римус не знал точно, сколько стоит его сеть и какие суммы через нее проходят.

Партнеры Римуса существенно расходились в оценках. Четыре миллиона долларов, пять миллионов, семь миллионов, распределенные между несколькими счетами. Дневной доход оценивался примерно в 50 000 долларов во времена, когда средняя зарплата американца составляла 1400 в год. 2 800 000 за несколько месяцев работы. Общая прибыль – восемьдесят миллионов, чистая – тридцать. Ежедневные продажи спиртного доходили до 74 000 долларов. Один ромовый контрабандист оплатил заказ на 200 000 долларов одно-, двух- и пятидолларовыми банкнотами; Коннерс пересчитывал их четыре часа. Деньги поступали с такой скоростью, что Римус не успевал класть их в банк и был вынужден таскать в карманах тысяч по сто. Со временем он намеревался открыть свой собственный банк.

Он продолжал встречаться с Джессом Смитом ради разрешений на виски и обещаний неприкосновенности, всякий раз выплачивая по 20 000–30 000 долларов, всегда наличными. Благодаря гарантиям Смита он чувствовал себя абсолютно свободно и действовал открыто, даже нахально, стремительно “выдаивая” винокурню за винокурней. Он купил фабрику “Эджвуд” в Цинциннати за 220 000 долларов, приказал своей армии разливальщиков приступить к работе и в течение пяти дней вывез 6500 ящиков “Олд Келлер”, 500 ящиков “Джонни Уокер” и 250 ящиков джина “Гордон’с”. Утром пятого дня команда Римуса закончила работу. Они надели плащи, ушли и никогда больше не возвращались. Из винокурни “Сквибб” в Лоренсбурге, штат Индиана, вывезли 15 000 ящиков за две недели, а из “Флейшманн” в Цинциннати – 6000 ящиков и еще 250 бочек (общей емкостью 10 000 галлонов) ржаного виски за семь дней. В это же время спиртное поступало из отдаленных винокурень железнодорожными вагонами, поставки были столь частыми и крупными, что склады в Долине Смерти быстро заполнились.

Они с Коннерсом нашли решение. Под амбаром вырыли тайный подвал, в котором помещалось до 10 000 ящиков, спуститься туда можно было через люк, скрытый под ворохом сена. Медленно, при помощи системы блоков и веревок, бочонки с виски поднимались и опускались через люк. Для упрощения процесса они перенесли вниз и машину для розлива по бутылкам. За семьдесят пять долларов в неделю парни, работавшие посменно, разбирали и сжигали ящики, заворачивали готовые бутылки в газеты и укладывали в машины курьеров.

А курьеры приезжали со всей страны. Мэри Хаббард, чей муж Илайджа работал ночным охранником в Долине Смерти, замечала автомобильные номера множества штатов: Огайо, Нью-Йорк, Пенсильвания, Небраска, Миссури, Мичиган, Кентукки, Индиана, Иллинойс, Калифорния. Поначалу выстраивались очереди из “шевроле”, “доджей”, “бьюиков” и “студебеккеров”, зачастую подержанных. Но вскоре курьеры обновили свой парк двухместными кабриолетами “паккард твин-сикс” и временами даже “роллс-ройсами”. Чтобы избежать подозрений, они ставили на свои кабриолеты рессоры от лимузинов, и казалось, что автомобили, нагруженные бутылками, не везут ничего тяжелее своих пассажиров. В багажнике всегда имелся запас бензина, масла и воды, чтобы не останавливаться в пути, – ходило много слухов о полицейских, карауливших на бензоколонках в надежде унюхать запах виски или засечь груды винтовок на полу автомобиля.

Чтобы поддерживать преданность своих курьеров, Римус обращался с ними так, словно те приезжали на курорт, – Долина Смерти была гостеприимна, как роскошный отель. Сразу по прибытии специально отряженные парни мыли и полировали машину. Самим курьерам предоставляли мягкие постели для отдыха, а миссис Герам, жена Джонни, принимала заказы на домашнюю еду. На дорожку Римус сам вручал им пакет с бутербродами, термос с молоком или кофе и несколько кварт виски, поясняя, что его курьерам не следует по пути пить из собственного груза. Чтобы те могли отвлечься и расслабиться, курьерам предлагали сыграть в кости; если клиенты были особенно надежны, Римус открывал им кредит и позволял расплатиться в следующий раз.

С момента открытия Долины Смерти Римус принимал меры предосторожности, чтобы предотвратить рейд служителей закона. Все находившиеся у него на жалованье федеральные чиновники в Цинциннати получили распоряжение предупреждать его лично о появлении в городе любого подозрительного агента. Он проводил практические учения – на случай тревоги, чтобы его люди готовы были мгновенно скрыть следы любой деятельности. По команде рабочие с расторопностью и точностью закаленных морских пехотинцев загружали все спиртное в грузовики, стоявшие по периметру хозяйства, и организованной колонной перевозили на склад в миле от фермы, где ждали, пока минует угроза.

Однажды в Долину Смерти без предупреждения явились два агента Бюро по запрету и припарковались прямо рядом с двумя грузовиками, полными виски. Коннерс, оказавшийся в доме в одиночестве, видел, как грузовики тронулись с места и стремительно умчались по длинной извилистой дорожке, но сам он остался под ударом. Под крышкой люка, засыпанной сеном, в подвале скрывались пять тысяч ящиков спиртного. Коннерс направился к агентам, прикинувшись спокойным и равнодушным, как будто эти парни случайно заглянули сюда спросить дорогу.

– Что вы хотели? – спросил он.

Агенты продемонстрировали свои жетоны.

– Это, должно быть, какая-то ошибка, – пожал плечами Коннерс. – Погодите, я позвоню одному федеральному боссу, вы его знаете.

Проковыляв обратно в дом, он дождался, пока оператор соединит с нужным человеком. Коротко обрисовал ситуацию и поинтересовался:

– Что это значит?

– Я очень удивлен, что они к вам явились, – ответил чиновник. – Я знал, что они охотились на самогонщиков где-то в тех краях. Но они ведь ничего не нашли, правда?

– Пока нет, но если начнут копаться в сене, то чертовски скоро что-нибудь отыщут, и чертовски много этого чего-нибудь. Что вы намерены предпринять?

– Думаю, вы с ними сможете договориться, – заверил чиновник. – Ступайте попробуйте.

Коннерс повесил трубку, вернулся во двор и отозвал в сторонку одного из агентов.

– А теперь послушай, – начал он. – Вы, парни, работаете за жалованье, и не слишком большое жалованье. Предположим, вы обнюхаете тут все вокруг и найдете пару квартал, – что вы с этого получите? Все лавры достанутся тем, кто повыше, а вам ничего не перепадет, ни глоточка из найденного, – а вам, судя по всему, не помешала бы выпивка. Так почему бы вам не повести себя как славным малым? Я скажу, что я сделаю. Я дам каждому из вас по тысяче долларов и отличной выпивки. Что скажешь?

Агент рассмотрел предложение.

– По мне, так отлично, – сказал он. – Но про напарника не знаю. Посмотрим, что он скажет на этот счет.

Коннерс кивнул, неторопливо двинулся ко второму агенту и повторил свою краткую речь.

– Ну, я не люблю видеть, когда у человека проблемы, – ответил тот. – Но долг есть долг. Впрочем, я бы точно выпил сейчас чего-нибудь.

– Отлично, – кивнул Коннерс. – Давайте все вместе пропустим по маленькой. Мне тоже не помешает.

Они вошли в дом, уселись за стол. Коннерс подливал и подливал виски и примечал, что степень опьянения агентов прямо пропорциональна их убежденности в том, что он “славный малый”. Когда они собрались уезжать и встали, цепляясь за спинки стульев, чтобы не потерять равновесие, Коннерс вручил прощальные подарки: каждому по тысяче долларов, завернутых в бумагу, и шесть бутылок лучшего виски от Римуса. Он даже предложил одного из своих подручных в качестве шофера, но агенты заверили, что в состоянии сесть за руль самостоятельно.

Коннерс наблюдал, как их автомобиль полз задом по извилистой дороге, и фары светились, как глаза в темноте.

Отряд Мейбл

В далеком Вашингтоне Мейбл Виллебрандт собирала команду агентов для расследования ситуации в Цинциннати. Эта задача представляла собой целый комплекс проблем. Бюро расследований, предшественник ФБР, имело в штате около пяти сотен агентов, некоторые из них занимались не сухим законом, а совсем другими делами: экономическими преступлениями, нарушениями закона Манна (именуемый также “Законом о белой работоторговле”, он запрещал пересечение границ штата лицам с “аморальными целями”), слежкой за перепиской и высказываниями подозреваемых в коммунистических взглядах и “чуждых радикалов”. За нарушениями сухого закона следили полторы тысячи агентов Бюро по запрету. Невзирая на чувства Виллебрандт по этому поводу, их порой называли “отрядом Мейбл”.

Никакой формальной квалификации полевому агенту не требовалось – кандидаты не сдавали экзамен для несения государственной службы, – и процесс зачисления на должность состоял в основном в отборе людей, близких судебным органам: бывшие полицейские, помощники шерифов, судебные приставы. Их жалованье начиналось в среднем с тысячи двухсот долларов в год, в некоторых штатах эта сумма едва достигала прожиточного минимума – сущие крохи в сравнении с десятками тысяч долларов, которые предлагали бутлегеры в качестве взятки. Главный федеральный агент в Цинциннати прежде служил в дорожной полиции и зарабатывал гораздо больше, получая мзду от Римуса. Другой агент, в Норфолке, штат Вирджиния, намеревался открыть бильярдную в “негритянской части города”, чтобы заманивать и шантажировать чернокожих бутлегеров. Будущий агент мог даже иметь криминальное прошлое, как в случае с агентом под псевдонимом Стюарт Макмаллин, – первым, кто убил бутлегера при исполнении служебных обязанностей. Когда Макмаллин – обвинявшийся в убийстве, подделке чеков и вооруженном грабеже – получил свой агентский жетон, он все еще отбывал срок в тюрьме Даннемора штата Нью-Йорк. “Основная проблема, – писала Виллебрандт, – заключается в том, чтобы найти нужных людей на местах, в полиции и прокуратуре, – людей творчески мыслящих, отважных, не являющихся рабами политических амбиций. Говоря о людях, я имею в виду и женщин – многих из них”. Пока, под растущим давлением из Цинциннати, ей пришлось находить и готовить лучших агентов из имеющихся в распоряжении.

Первым делом ее выбор пал на тридцатилетнего специального агента Франклина Л. Доджа. В придачу к прилизанным темным волосам и глубокой ямочке на подбородке у Доджа еще имелась незаурядная родословная: его отец Франклин Д. Додж-старший был известным в Мичигане демократом, имевшим связи в родном штате и в федеральном правительстве. Он и его жена Эбби, главная светская львица Лэнсинга, регулярно устраивали вечеринки для судей Верховного суда в своем роскошном особняке на берегу Гранд-ривер, а однажды даже принимали неувядающего претендента на президентское кресло Уильяма Дженнингса Брайана¹¹, вскоре опозорившегося на весь свет после дебатов с Кларенсом Дэрроу¹² по вопросам эволюции¹³.

С помощью отца Франклин Додж-младший получил должность помощника фабричного инспектора в государственной инспекции труда и разъезжал по всему штату Мичиган, оценивая безопасность пожарных выходов и чистоту полотенец в номерах отелей. Лишь однажды он скомпрометировал семейное имя, будучи задержан за превышение скорости. Прегреше-

¹¹ Американский политик и государственный деятель, трижды баллотировался на пост президента США.

¹² Знаменитый американский юрист, один из руководителей Американского союза гражданских свобод, на «Обезьяньем процессе» защищал Джона Скоупса. Принципиальный противник смертной казни.

¹³ Речь о так называемом «Обезьяньем процессе», на котором судили учителя Джона Скоупса, обвиненного в преподавании теории эволюции, «которая отвергает историю Божественного сотворения человека, которой нас учит Библия, и учит вместо этого, что человек произошел от животных низшего порядка». На стороне обвинения выступал У. Дж. Брайан.

ние даже удостоилось краткого упоминания в местной газете. Несмотря на этот проступок, он быстро продвигался по карьерной лестнице, выйдя в 1917 году на федеральный уровень – став специальным представителем в Службе федеральных маршалов¹⁴. В июне того же года, через два месяца после того, как Соединенные Штаты объявили войну Германии, Додж провел перепись “подданных вражеского государства”, установив, что в Лэнсинге проживает около семидесяти граждан немецкого происхождения. Чтобы избежать ареста, каждый иммигрант должен был представить ходатайство, подписанное двумя американскими гражданами, и приложить свежую фотографию. И только в случае одобрения ходатайства Федеральным маршалом просителю позволялось остаться в США, иначе его ждала депортация.

Ныне, в качестве специального агента Бюро расследований, Додж считался восходящей звездой. Его последним триумфом было успешное дело против мичиганского бизнесмена, пойманного с поличным на незаконной спекуляции сахаром. Римусово “колесо виски” должно было стать и для Виллебрандт, и для Доджа первым дерзким вторжением в сферу действия сухого закона. Мейбл отправила Доджа в Цинциннати и надеялась, что тот не разочарует.

* * *

Днем 21 октября 1921 года Римус, отдохавший дома вместе с Имоджен, получил сигнал, что в городе объявился странный агент – некто из другого города, другого штата и не на содержании у Римуса. Поначалу новость его не встревожила. Накануне вечером он звонил Джонни Гераму в Долину Смерти и просил того отложить несколько бутылок виски для друзей.

– Тут сейчас ни капли нет, – ответил Герам. – И ничего не ожидается вплоть до понедельника.

Римус, поверив ему, не стал передавать предостережений.

Поговорив с Римусом, Герам подхватил Коннерса, и они на другой день поехали на скачки в Луисвилл поставить на какую-нибудь лошадь. Стоял солнечный день, прохладный ветерок веял в воздухе, дорожка на “Черчилль-Даунс”¹⁵ была “резвой” – идеальные условия для гладких скачек. Полюбовавшись, как несутся к победе Белль из Элизабеттауна, Твинкл Блю и Полковник Тэйлор, они, порядком вымотанные, отправились обратно. Герам завез Коннерса домой и остался ночевать у него на диване.

На следующее утро Коннерс с семейством посетил церковь, вернулся домой, разбудил Гераму и предложил сгонять в Долину Смерти – подготовиться к рабочей неделе. Они миновали пустой пост охраны, медленно проехали по извилистой дорожке к ферме. Во дворе торчал незнакомый автомобиль, по сторонам от него стояли двое. Коннерс заглушил двигатель, они с Герамом выбрались из машины, дожидаясь, пока непрошенные гости заговорят.

– Вы чего-то хотели? – спросил один из них слегка заплетающимся языком.

– В каком смысле – чего-то? – уточнил Коннерс.

– Ну, бухла какого?

– Не нужно нам никакого бухла.

Незнакомец, пошатываясь, шагнул вплотную, одной рукой ухватил Коннерса за латкан. По этим скупым движениям и вымученным гримасам – глаза прищурены, губы неловко обвисли – Коннерс догадался, что парень притворяется пьяным.

– Тогда, может, у вас есть чего на продажу?

¹⁴ Подразделение Министерства юстиции, контролирующее исполнение приговоров и решений федеральных судов, занимающееся розыском, арестом и надзором за содержанием федеральных преступников, борьбой с терроризмом и массовыми беспорядками.

¹⁵ Ипподром в Луисвилле, крупнейшем городе штата Кентукки.

– Послушайте, – спокойно ответил Коннерс, – мы не занимаемся спиртным, нам вообще до него нет дела, а если ты не уберешь от меня свои лапы, я сверну тебе челюсть.

Парень вдруг оказался совершенно трезвым, с внимательными широко раскрытыми глазами и четкими живыми реакциями; он распахнул пальто, демонстрируя жетон:

– Бюро по запрету.

Коннерс не колебался ни секунды:

– А, ну а мы тут вообще случайно – просто искали приятеля. – Он вернулся к машине и махнул Гераму: – Давай, Джонни, поехали отсюда.

И, едва произнеся эти слова, Коннерс понял, что совершил “самую большую промашку” в своей жизни.

– Ага. – Агент обернулся к Гераму, достал из кармана листок бумаги и торжествующе развернул его. – Итак, Джонни, верно? Джонни, мы ждали тебя. Это постановление на обыск в ваших владениях.

Коннерс вдавил педаль газа, и его старый “мармон” подпрыгнул, как он позже говорил, “как скаковая лошадь перед барьером”. Из Долины Смерти он вылетел, выжав сорок пять миль на второй скорости, и только бросив взгляд через плечо, сумел унять дыхание: никто его не преследовал.

Агенты подхватили Гераму под руки с двух сторон, повели к дому и пинком открыли дверь. Несколько человек играли в карты за столом, в центре которого стояла бутылка “Олд Диарборн”. При виде агентов Джордж Дейтер, хозяин Долины Смерти, прыгнул в окно. Кромка рамы врезалась ему в живот, он забил ногами, как финиширующий на соревнованиях пловец, с трудом протиснулся в проем и запыхтел вверх по склону к дороге, бросив по пути автоматический пистолет. Но шаги преследователей все громче, все ближе. Не было смысла бежать. Обернувшись лицом к агентам, Дейтер поднял руки и сдался.

А в доме Мэри Хаббард наблюдала, как агенты обшаривают комнату за комнатой, открывая каждую дверь, выдвигая каждый ящик, залезая в каждое сырое стойло в пристроенном хлеву. Она-то знала: вопреки тому, что Герам сообщил Римусу, на ферме припрятано немало спиртного – хватит, чтобы всех их засадить за решетку. С нее довольно. 50 долларов в неделю, которые получал ее муж, не стоили тюремного срока или роковой стычки с виски-пиратами. Пора все выложить начистоту.

Когда Коннерс добрался до дома Римуса, он опять задыхался, мысли путались. Слуга проводил его в библиотеку – устроенный в память о бывшей карьере Римуса тускло освещенный лабиринт, где 2800 томов юридических трактатов отягощали книжные полки. Коннерс рассказал, что произошло, подчеркивая, что в Долину Смерти нагрянула облава.

Римус не мог поверить. Он напомнил слова Герамы, что все спиртное было вывезено.

– Это ложь, – сказал Коннерс. – Сегодня вечером Герам ждал курьеров из Толедо.

Римус помолчал, а потом сказал Коннерсу, что должен кое в чем признаться: его накануне предупреждали о появлении странного агента в городе.

Теперь, “злее, чем гиена с заячьей губой”, Коннерс заявил Римусу, что именно тот виноват во всем, поскольку не сообщил важную новость. Римус позволил своему помощнику некоторое время негодовать, скандалить и возмущенно вопить, а потом вернул его в чувство, предложив план: они собирают ребят и разбираются с агентами, запирают их в подвале, а сами тем временем вывозят товар. Без улик никто не сможет предъявить обвинение.

Коннерс снял трубку телефона, чтобы позвонить каждому, кого не взяли сегодня в Долине Смерти. Ни один номер не ответил. Воскресенье, выходной день, парни отдыхали, отложив оружие, со своими женами и подружками.

– Ну что ж, Коннерс, – вздохнул Римус. – Мы с тобой займемся этим сами.

Они по-быстрому собрали пистолеты и винтовки. Когда Коннерс уже завел двигатель, Имоджен ринулась к машине. Распахнув пассажирскую дверь, она прыгнула на колени к Римусу и стала шептать ему в ухо:

– Не надо, Папочка! Тебя убьют! Я точно знаю, что тебя убьют, и что я тогда буду делать? Я поеду с тобой!

Коннерс смотрел, как она “рыдала и причитала”, пока Римус не размяк и не отменил внезапный налет на Долину Смерти.

“Вот что бывает, когда позволяешь бабе влезать в дела”, – подумал Коннерс, но знал, что на самом деле она никуда не собиралась ехать.

Для этого существовал Римус.

* * *

А в Долине Смерти агенты складывали и переписывали плоды своих поисков: пятьсот галлонов джина, тринадцать баррелей виски, двенадцать кварт шампанского, дюжины упаковок с разными сортами виски, джина и вермута и две тысячи галлонов вина – не обычный улов, а чертовски много. Заодно они обнаружили склад пистолетов, винтовок, ружей и несколько гроссбухов, содержащих информацию о клиентах “Круга”, среди которых значились многие видные граждане Цинциннати. Один из агентов назначил себя временным секретарем на ферме и начал отвечать на телефонные звонки, принимая заказ за заказом от клиентов, ищущих виски для сегодняшних вечеринок. Семеро явились лично в надежде купить несколько кварт и смылись, как только сообразили, что бизнес в руках “сухих” агентов. Захваченный алкоголь агенты сгрузили в здании Почтового ведомства, и тысячи зевак столпились на Волнат-стрит, подсчитывая каждый бочонок и мешок.

Федералы арестовали пятерых компаньонов Римуса, обвинив их в предумышленном нарушении закона Волстеда: Джорджа Коннерса, Джонни Герама, Гарри Брауна и еще двоих снайперов-охранников. Нагрянув к Римусу, они обнаружили, что офис закрыт, свет везде погашен. Агенты направились в особняк в Прайс-Хилл, где двери им открыла Имоджен. Мужа нет в городе, сообщила она, уехал в Мичиган по делам, но сегодня вечером она ждет от него телефонного звонка. Она заверила агентов, что муж обязательно явится в суд.

Офицеры поверили и пожелали даме доброй ночи.

Мужа Имоджен застала в библиотеке беседующим с репортером и поспешила рассказать в подробностях о визите агентов.

– Это просто возмутительно – все они получают по заслугам, – негодовала она. – Напрасно они сюда заявились.

Произнося это, она поигрывала маленьким револьвером с перламутровой рукояткой.

* * *

Спустя три дня после облавы в Долине Смерти федеральный окружной прокурор Джеймс Кларк – первый, кто обратил внимание Виллебрандт на махинации Римуса, – прислал зашифрованное послание: “Праведное светлое пиво уплывает от сатира в чашу моего простолюдина дабы войти в призму и подтвердить на гусенице раздутой и зашпаклеванной куивулуам копьеносец этого сатира через ветвящийся дымоход уплывает”. Она передала письмо для расшифровки другой восходящей звезде Бюро расследований – двадцатилетнему Дж. Эдгару Гуверу.

Силы, противодействующие Римусу, взяли курс на сближение.

Показания Карлоса Клеппера

В: Мистер Клеппер, скажите, видели ли вы когда-либо Франклина Доджа-младшего и мистера Римуса вместе, за исключением тех случаев, о которых вы сообщили сегодня утром?

О: Однажды вечером я видел их на Эвклид-авеню в большом автомобиле “пирс-эрроу”.

В: Это было после того, как их застали в комнате вместе?

О: О да.

В: Что они делали в автомобиле?

О: Просто вышли и сели в машину.

В: Откуда они вышли?

О: Этого не могу сказать. Я только видел, как они садятся в машину; вообще-то я остановился на другой стороне улицы, чтобы убедиться, что это Римус.

В: Они выходили из какого-то офиса или из жилого дома?

О: В той стороне стояли жилые дома... Думаю, это дом прямо на углу.

Дом человека – его крепость

Через десять дней после облавы, 31 октября, Римус и Имоджен поехали в Кастом-Хаус, изысканное викторианское здание, в котором располагались двадцать семь правительственных учреждений, включая федеральный суд Южного округа Огайо. Не смущаясь недостатком юридической практики, Имоджен выступала в качестве адвоката своего брата Гарри Брауна, утверждая, что его арест – случай ошибочного установления личности.

– Ваша честь, – заявила она. – Мой брат здесь только потому, что он зять моего мужа по фамилии Браун, и в газетах пишут, что “Г. А. Браун”, названный в порядке вместе с моим мужем, и есть зять моего мужа. Он охотился в Висконсине, когда прочел в газетах о событиях в Цинциннати, где упоминалось о выдаче ордера... Не думаю – в свете того, что он явился сюда сам, и вообще, возможно, это совсем не тот человек, – что вам следует назначать ему столь суровый залог.

В качестве завершающего штриха она добавила, что Римус впервые встретился с ее братом всего три месяца назад.

Несмотря на это, судья назначил Гарри Брауну залог в 15 000 долларов, по 12 000 – Гераму и Коннерсу и 50 000 – Римусу. Имоджен предложила себя в качестве поручителя, сообщив, что она владелица особняка и земельного участка на Прайс-Хилл и у нее достаточно средств поручиться за всех. Суд назначили на весну будущего года.

Римус продолжал деятельность “Круга”, как будто никакой облавы не было в помине. Фактически его арест пошел на пользу бизнесу, поскольку верные курьеры и клиенты перепугались, что источник благ может иссякнуть; ящик виски, который раньше стоил 80 долларов, теперь уходил за 110. Учитывая историю выплат Джессу Смитту, референту генерального прокурора Догерти, Римус рассчитывал, что его просто оправдают, если суд вообще состоится. Для большей гарантии осенью он еще несколько раз встретился со Смитом: в отеле “Вашингтон” в округе Колумбия, в нью-йоркской “Плазе” и в “Клейпул” в Индианаполисе, всякий раз всовывая тому в ладонь тысячные банкноты.

Поздней осенью он еще раз столкнулся со Смитом в Индианаполисе, заметив того в зале вокзала Юнион-Стейшн. Подойдя ближе, Римус увидел и другого человека, облаченного в темно-серый костюм, с сигарой, зажатой в пальцах. Гарри Догерти был довольно упитанным мужчиной, с крупным подбородком и запоминающимися глазами – один карий, а другой голубой, которые слегка косили, как будто он смотрел на два объекта одновременно. Римус все еще прикидывал, в который глаз смотреть, на котором сконцентрироваться в процессе приветствия, когда генеральный прокурор Соединенных Штатов вдруг поспешно метнулся прочь, скрывшись в толпе.

* * *

Наступил декабрь, а с ним праздники и дальнейшее погружение в то, что историк Фредерик Льюис Аллен назвал “первоклассный бунт против утвержденного американского порядка”. Продавщицы в модном универмаге “Пог” в Цинциннати решительно осваивали корсеты нового типа: без костяшек, из черного бархата, с шестью резинками, которые крепились прямо к чулкам. Такие корсетки сохраняли естественные пропорции талии (“Но я кажусь в нем такой толстой”, – жаловалась одна почтенная матрона. “Наоборот, – убеждала продавщица. – Он освобождает вашу диафрагму. И ничего больше не торчит горбом над лопатками”). Арестовали священника и приговорили к штрафу в 600 долларов за то, что гнал самогон у себя в пансионе. Эссеисты анализировали феномен “эмансипе” и роль феминисток в новых романах и пьесах.

“Она курит, пьет и чертыхается при каждом удобном случае, – отмечали в “Миннеаполис трибьюн”, – который, судя по замыслу авторов, случается довольно часто”.

Римусы из Прайс-Хилл планировали собственное шумное торжество. Ремонт и обустройство особняка, обошедшиеся в 750 000 долларов, были наконец завершены – аккуратно к новогоднему банкету, который должен был стать гвоздем сезона. “Дом человека – его крепость, как известно, – приговаривал Римус. – У меня настоящая крепость, правда же?” В отреставрированном особняке получилась тридцать одна комната, и каждая отражала вкусы хозяйской четы, возвращенные ими совместно.

Стены в салоне для карточных игр были разрисованы изображениями покерных комбинаций, с тузами в каждом раскладе. Бильярдный стол в бильярдной – на резных лапах размером и весом с голову Римуса. Расставленные вдоль стен и привинченные к полу бархатные кресла. Двери красного дерева, ведущие из комнаты в комнату, с окошками изысканных витражей. Каминные полки, заставленные мраморными фигурками херувимов, воинов и богинь. Люстры причудливыми созвездиями озаряли потолки. Массивный золотой рояль блистал в гостиной. Вдоль лестниц висели живописные полотна, привезенные из Европы. Персидские ковры окутывали каждую ступеньку. Книжные полки открывали взору коллекцию редких *objets d'art*, первоизданий и особую гордость хозяина – подлинный автограф Джорджа Вашингтона, обошедшийся в пятьдесят с лишним тысяч долларов.

А вокруг дома пятеро садовников, трудившихся с утра до вечера, обрабатывали и обихаживали десять акров остролиста, льна, шиповника и деревьев, усыпанных крупными лимонами и лаймами. Четыре Римусовых пса – один приходился братом Дружку, эрдельтерьеру самого президента Гардинга, – резвились, прыгали и гонялись друг за другом. Бейсбольное поле манило соседских детей; Римус намеревался иногда играть с ними, чего никогда не делал и не любил его собственный отец.

И наконец, *pièce de résistance*¹⁶, который, по убеждению Римуса, непременно поразит любого гостя, независимо от его положения в обществе и состояния: греко-римский плавательный бассейн – построенный и отделанный за 175 000 долларов – должен быть торжественно открыт, как только пробьет полночь. Бассейн с собственной котельной располагался в отдельном здании, 115 футов в длину и 86 в ширину, фасад отделан кирпичом и камнем в идеальном соответствии облику главного дома. Резные серебряные подсвечники сияли на белоснежных стенах. В одном конце были устроены турецкие и шведские игольчатые души, формой и напором воды на любой вкус, и даже электрическая ванна – прообраз солярия, – подогреваемая раскаленными электролампами и призванная “взбодрить” клиента. Бассейн окружали столы, скамьи и стулья резного мрамора и статуи, изображавшие древнегреческих пловцов. Дно бассейна устилала руквудская¹⁷ керамическая плитка, уложенная терракотовыми кругами и перламутровыми квадратами. Картину довершал римский сад с фигурно выстриженными кустарниками и буйно цветущими клумбами. Римус собирался окрестить бассейн “Термы Имоджен” в честь своей жены.

Ее Римус называл “блистательной изысканной женщиной, которая со вкусом носит одежду и украшения”. Он стремился занять главенствующее положение в обществе, и Имоджен, по его словам, знала, как “добиться своего”. Один из его друзей определял ее так: “Из тех женщин, что заставляют вспомнить про турецкие гаремы, восточные танцы и Клеопатру... Длинные волнистые каштановые волосы всегда спадали по сторонам смуглого лица. Длинные серьги проглядывали сквозь локоны. Густые ресницы отбрасывали тень на большие карие глаза. Каждый взгляд ее казался лаской. Хотя она и была пышной, на грани полноты, в каждом ее движении проскальзывало нечто кошачье”.

¹⁶ Гвоздь программы, коронный номер (*фр.*).

¹⁷ Компания «Руквуд» из Цинциннати – крупнейший производитель декоративной керамики в 1920-е.

Имоджен жаждала принять на себя роль хозяйки, пожимать руки почтенным гостям, прислушиваться к беседам о международных делах. Ее прежняя жизнь, до Римуса, состояла из скандалов с бывшим мужем, перебранок из-за его попоек и пустого кошелька. Сейчас, в свои тридцать семь, она была молода как никогда – “эмансипе среднего возраста”, как называли таких женщин в газетах: “Не жизни, но деятельности ищет она. Это она перестраивает старый дом или строит новый – где отсиживается ее муж, пока она выходит в свет в поисках «культурных развлечений»”. Имоджен готова была искать новое и разбираться с тем, что уже обрела.

Она сама разработала дизайн приглашений. Отпечатанные на чайного цвета бумаге и перевязанные красной ленточкой, они были украшены по краям веточками остролиста и дополнены ее с Римусом фотографиями в профиль, с надписью “Миссис Джо. И. Римус” и “Мистер Джо. И. Римус”. Внизу забавный рисунок матери, плывущей вместе с ребенком, и текст:

НАШЕ НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Нырй к здоровью

Плыви к богатству

Наслаждайся счастьем

1921–1922

Шестеро помощников разослали по почте приглашения журналистам, политикам, судьям, промышленным магнатам и представителям элиты Цинциннати – семействам, чьи имена известны во всем мире: Лонгворты, Синтоны, Тафты. Это был непростой город, вечно ведущий борьбу с собственным комплексом неполноценности. Может, он не Бостон и не Нью-Йорк, но лучшие его граждане путешествуют по Европе, отправляют сыновей учиться в Гарвард и Йель, выводят своих дочерей в высший свет и выдают замуж за Рузвельтов (Алиса Рузвельт Лонгворт, скандально известная старшая дочь Теодора Рузвельта, обзывала родной город своего мужа не иначе как “Цин-цин-гади”). Он создавал литературные общества, устраивал художественные выставки, открывал музыкальные салоны. В этой гонке за респектабельностью город порой скатывался в застойное уныние. Такое показное сумасбродство, затеянное Римусом, было бы банальным в Нью-Йорке или Чикаго, но не здесь. Римус покажет им, чего они лишаются, а они, в свой черед, примут его в свои ряды.

31 декабря 1921 года гости начали съезжаться, всего больше сотни, некоторые из самого Сан-Франциско; женщины в платьях-металлик и тиарах из шлифованного жемчуга, мужчины в узких удлиненных пиджаках “эпохи джаза”, стройные и утянутые в талии, – мода, которая вскоре станет *passé*¹⁸. Сладостные мелодии струнного оркестра нежно окутывали весь дом. Орхидеи наполняли воздух благоуханием. Официанты сновали меж беседующих парочек, предлагая лучший виски от Римуса, шампанское, джин, водку, пиво – напитки, которых он сам никогда не пробовал. Манекенщицы, обряженные в греческие хитоны и высоченные тюрбаны, подавали *hors d'oeuvres*¹⁹ на серебряных блюдах. Репортер из “Цинциннати Таймс-Стар” кружил по залам с кинокамерой “Аэроскоп”, снимая веселье на пленку. Римус отвел в сторонку одного из гостей, чтобы потолковать о генеральном прокуроре Гарри Догерти.

– Он в задней комнате, – сказал Римус. – И не желает быть замеченным.

Мимо проходила Имоджен, он привлек ее к себе, провел толстыми пальцами по волосам.

– И у меня есть Имоджен, – похвастался он. – Самая верная, самая искренняя и самая прекрасная жена на свете.

И жестом, символическим для того времени, который с благоговейным ужасом вспоминают десятилетия спустя, Римус поджег столларовую купюру и поднес огонь к сигаре гостя.

¹⁸ Прошедшей (*фр.*).

¹⁹ Закуски (*фр.*).

Хозяин дернул шнур звонка, давая сигнал всем занять места за обеденным столом. Один из гостей обнаружил под своей тарелкой банкноту в тысячу долларов, радостно помахал ею в воздухе – мол, гляди-ка! – но такой же милый подарок нашелся для каждого визитера. Но и это было еще не все. Греческие богини разносили коробочки с ювелирными подарками, в каждой по два предмета: булавка для галстука, увенчанная бриллиантом, и золотые часы с выгравированной буквой “Р” и словами “От мистера и миссис Джо. И. Римус, 1921” – безделушки, которые очаровали мужчин и разочаровали женщин. А чуть позже Римус нанес последний удар: ключи. Он подвел гостей к парадным дверям и распахнул их. На длинной подъездной дорожке, позади каменных львов и железных ворот, тянулась, изгибаясь дальше по аллее, вереница новеньких “понтаиков” 1922 года выпуска, по одному для каждой гостьи вечеринки.

Настало время для главного события вечера.

– Плавание – это мое хобби, – сообщил гостям Римус, сопровождая их в здание бассейна. – С самого детства я мечтал иметь собственный бассейн.

Ходили слухи, что Римус может наполнить целый бассейн виски, но сегодня вечером в нем была лишь вода, теплая на ощупь. Вдоль кромки бассейна лениво валялись псы Римуса. Оркестр Гаса Шмидта играл “Арабского шейха”, самую популярную песенку года:

*А я арабский шейх,
Твоя любовь принадлежит мне,
Ночью, когда ты уснешь,
В твой шатер я проберусь...*

Водяные нимфы устроили представление, синхронно двигаясь под водой, их ножки в унисон взмывали над поверхностью и исчезали. Подвыпившие гости, используя трамплин для прыжков как трибуну, произносили тосты в честь Нового года. Ровно в полночь юная Рут Римус, одетая в прозрачную тунику и изображавшая “дух нового года”, взошла на трамплин.

– С Новым годом! – воскликнула она, прежде чем нырнуть в бассейн.

Не отставая от дочери, Имоджен, в откровенном слитном купальнике, сняла с прически бриллианты, рубины и изумруды и продемонстрировала грациозный прыжок в воду. “Купаться”, – скомандовал Римус, и все подчинились, намочив костюмы и новенькие бриллиантовые булавки. Римус последовал за ними, не снимая смокинга, торжественно отмечая первый заплыв в собственном бассейне. Он заявил, что намерен устроить заплыв на время по реке Огайо, сотню миль от временного моста до Мэдисона, штат Индиана, – кто-нибудь хочет заключить пари?

Обсохнув и приведя себя в порядок, он обошел все помещения бассейна, желая доброй ночи каждому гостю. Среди них не было ни одного представителя высшего общества Цинциннати – Лонгвортов, Синтонов и Тафтов. Его мир никогда не станет равным их миру, какими бы роскошными ни были его дом и подарки, сколь бы продуманными ни были его планы, а желания – страстными.

Он вернулся в дом. От здания бассейна доносились смех, звон бокалов и финальные ноты мелодии. Для Римуса праздник закончился. Он вернулся в библиотеку, где и устроился с биографией Авраама Линкольна. Слуга принес ему тарелку с холодной вареной ветчиной – его привычная закуска после плавания – и вазочку мороженого. Римус закрыл дверь и погрузился в тишину, остаток ночи проведя в одиночестве.

Вырвать сердце у Вашингтона

Когда Виллебрандт вернулась после праздников в свой кабинет, на столе ее ждало письмо от жителя Цинциннати по имени Уильям Харрисон, адресованное Генеральному прокурору Догерти. “Быть того не может, – говорилось в нем, – чтобы вас досконально не проинформировали о деятельности «Виски-Банды» в Цинциннати, и особенно о главаре этого заговора против закона и порядка, некоем Римусе, который, невзирая на недавний обвинительный вердикт и залог в 50 000 долларов, нагло и бесстрашно нарушает каждый пункт законодательства, по которому был обвинен, и бахвалится, что его защищают люди, занимающие высокие посты в правительстве. Мне рассказывают, что жена этого самого Римуса заявляет, будто бы и ваше ведомство не без изъяна”.

Более того, продолжал автор письма, весь Цинциннати в курсе, что Римус живет “на широкую ногу”, что у него не меньше сорока автомобилей и он отпускает столько алкоголя через свои фармацевтические компании, что хватит “на все рецепты терапевтов по всей центральной части Соединенных Штатов”. Неужели генеральному прокурору безразлично, что общество испытывает “крайнее презрение” к его учреждению и отказывается верить в порядочность избранной власти? Возможно, ему следует связаться с Налоговым управлением и выяснить, сколько налогов уплатил этот Римус? Положа руку на сердце, не думает ли генеральный прокурор, что “пришла пора заняться делом”?

“В конце концов, – заключал Харрисон, – позвольте заметить, что я, законопослушный гражданин, испытываю невыразимое отвращение, видя нынешнее бездействие сухого закона. Алкоголь льется рекой повсюду; но когда старшеклассники государственных школ Цинциннати носят в карманах фляжки со спиртным – Бога ради, будет ли этому конец?”

Письмо пришло своевременно, поскольку Виллебрандт со дня на день ждала вестей от Франклина Доджа и остальных агентов в Цинциннати. День суда над Римусом приближался, ее ждала гора работы, в том числе подготовка обвинений против еще семи соучастников и запроса об уплате налогов Римусом в 1920 и 1921 годах. Заправив лист бумаги в машинку, она быстро напечатала ответ Харрисону, сообщив, что письмо попало в ее ведомство. “Наш департамент, – писала она, – выражает вам огромную признательность за стойкость в соблюдении закона и ясность формулировок в вашем письме, [которые] станут поводом для дальнейших разбирательств”. И подписала: “С уважением, Мейбл Уокер Виллебрандт, помощник генерального прокурора”.

В течение трех недель ее агенты присылали новые сведения. Многочисленные клиенты и служащие Римуса подписали письменные показания о том, что покупали алкоголь у главного бутлегера либо выполняли его поручения. Вопреки заявлению Иможден в суде, ее брат Гарри Браун занимал видное место в предприятии и даже исполнял обязанности управляющего “Винокурни Сквибс” в Индиане. В течение двух месяцев 180 000 ящиков виски, полученные по медицинским разрешениям, были отправлены из “Сквибс” несуществующим адресатам – доказательство того, что Римус фактически отправил весь этот “лечебный” виски самому себе.

Над одним местом в докладе Виллебрандт задумалась: информант Илайджа Хаббард, ночной сторож в Долине Смерти, “кажется, недавно скончался”. Агент Додж беседовал с женой Хаббарда, Мэри. Хотя коронер указал в качестве официальной причины смерти хронический энцефалит, Мэри считала, что ее мужа отравили, чтобы не допустить его выступления в суде как свидетеля. Его убили, сказала она Доджу, “за то, что слишком много знал”.

Виллебрандт решила сама навеститься в Цинциннати и купила билет на поезд линии “Балтимор и Огайо”. На месте она лично сопроводила Мэри Хаббард – прозванную газетчиками “Старая матушка Хаббард” – для дачи свидетельских показаний перед федеральным Большим

жюри. Во время судебного слушания Виллебрандт не отходила от нее ни на шаг. “Мне показалось, – вспоминала Хаббард, – что она проявляла больший интерес к делу, чем кто-либо еще”. Ходило множество слухов, что Хаббард могут похитить прямо во время заседания; если в этом и впрямь состоял план Римуса, ему пришлось бы похищать вместе с ней и Виллебрандт.

15 апреля на основании показаний Мэри Хаббард Большое жюри выдвинуло девять обвинений против Римуса и его подельников. Помимо обвинений в преступном нарушении сухого закона и постановлений Налоговой службы США, Римусу предъявили обвинение в менее серьезном правонарушении: “препятствие правосудию” на ферме в Долине Смерти, нарушение параграфа II закона Волстеда. Суд должен был состояться 8 мая в здании окружного суда Цинциннати, главным государственным свидетелем назначили миссис Хаббард. Виллебрандт передала свидетельницу в умелые руки Доджа и приказала тому не спускать глаз с Римуса.

День и ночь Додж торчал в своем седане на углу 8-й улицы и Эрмоз-авеню, следя, как входят и выходят из дома бутлегер и его жена.

Всякий раз, выглядывая из окна или выходя из дверей, Римус видел агента, молча и недвижимо наблюдающего за ним. Если Римуса и нервировала слежка, он не подавал виду. Наоборот, бахвалился, что у него “весь Вашингтон” на жалованье. Грядущий суд – это “уже дело прошлое” и “само уладится”. И все эти мнимые государственные обвинения “просто вычеркнут”. Он даже угрожал: если на него “будут слишком сильно наседать”, он, не колеблясь, “вырвет сердце у Вашингтона”.

Но агент все так же шпионил за ним, записывая каждый шаг.

* * *

Утром 8 мая Римус и Имоджен на автомобиле с личным шофером отправились на слушания. Руки Римуса со свежим маникюром были увлажнены кремом, ногти чуть подкрашены. Жиденький венчик волос подстрижен и уложен. Он не тревожился по поводу обвинений и открывшихся фактов, не думал о том, что Мэри Хаббард может сказать на суде. Он не сомневался в заверениях Джесса Смита, что за деньги уже купил оправдание, легко и просто.

Имоджен сидела рядом, темные волосы окружали ее кудрявым облаком. Она была его опорой, как когда-то в прошлом. Первое совместное судебное разбирательство для обоих случилось еще в 1915-м, в самом начале их отношений, когда Римус набросился на водопроводчика, нашедшего часики Рут. Когда Римус давал показания, Имоджен сидела в первом ряду с восторженным выражением на лице. Каждые несколько секунд она чуть меняла позу, приподнимая и опуская ногу, слегка постукивая туфелькой по полу, награждая собравшихся, как выразился один из репортеров, “упоительным зрелищем затянутых в шелк лодыжек”, что побудило некоторых присяжных вслух посетовать на весьма скудное освещение в зале заседаний.

Не успели Римус и Имоджен выбраться из автомобиля, как их встретили вспышки фотокамер и громкие вопросы со всех сторон. Репортеры и любопытствующие зрители до отказа заполнили зал суда. Имоджен отыскала себе место и устремила взгляд на мужа. По распоряжению правительства судья Джон Пек приказал изолировать присяжных на время процесса, дабы избежать влияния на них новостей, сплетен, а то и возможного подкупа. Двенадцать мужчин, которым предстояло решить судьбу Римуса, представляли собой разнородное собрание – среди них был агент по недвижимости, бухгалтер, ювелир, фермер, бакалейщик, аптекарь, торговец скобяным товаром и – возможно, к счастью для Римуса, – бывший полицейский, у которого наверняка были продажные дружки.

С ударом молотка процесс начался.

Задавая нужный тон, команда Римуса ринулась в атаку и дала первый залп, потребовав, чтобы правительство вернуло весь виски и оружие, конфискованные на ферме в Долине Смерти.

Протест был отклонен.

Настал черед властей. Помощник окружного прокурора Ричард Дикерсон объявил, что именно собирается доказать обвинение: что Джордж Римус (которого он именовал “этот почтенный джентльмен”) был “вдохновителем” бутлегерского предприятия; что бутлегеры появлялись в Долине Смерти глубокой ночью, забирали груз спиртного и исчезали и что в бухгалтерских книгах, обнаруженных на ферме, указано, что деньги выплачивались “Дж. Р.” и “Миссис Дж. Р.”, то есть Джорджу Римусу и миссис Римус, ибо точно такие же суммы появлялись в те же дни на их счетах в “Национальном Банке Линкольн”.

Зрители тут же дружно повернулись и уставились на Имоджен.

Мэри Хаббард вошла в зал в сопровождении “отряда Мейбл” Виллебрандт и принялась выкладывать подробности, которые узнала от своего покойного мужа. Она описала его обязанности в Долине Смерти, машины, которые приезжали со всей страны, перечислила названия на ящиках виски. Она прошла вдоль скамьи подсудимых и опознала знакомые лица. Особенно долго она задержалась перед Гарри Брауном, припомнив, что брат Имоджен “был там, но тяжелой работой не занимался”.

Защита потребовала провести перекрестный допрос. Адвокат Римуса заявил, что свидетельнице пообещали неприкосновенность в обмен на показания, и усомнился в их достоверности, интересуясь, каким образом она могла видеть этикетки некоторых сортов виски, которые не производят вот уже четверть века. Римус получил шанс, когда судья Пек установил, что ордер, на основании которого проводилась облава в Долине Смерти, был фактически недействительным: имя Джонни Герама было там неправильно написано как “Герхам” и исправлено уже на месте, что делает документ непригодным. Он сообщил присяжным, что все свидетельства и доказательства, основанные на материалах этой облавы, отныне не могут быть приняты судом и что они должны выбросить их из головы.

Обвинение взяло перерыв. Зрители шепотом гадали: вызовут ли сейчас Джорджа Римуса? Станет ли он вообще давать показания?

Он не стал – с какой стати? Джесс Смит неоднократно заверил его, что обвинения не будет. Его адвокаты вызвали всего четырех свидетелей, чьи показания обвинение сочло столь малозначащими, что перекрестного допроса не последовало. Окружной прокурор Дикерсон, однако, битых три часа потратил на заключительное слово, завершив его скупой похвалой: “Что бы мы ни думали об обвиняемых, мы не можем не восхититься их дерзостью и находчивостью”.

Защита разыграла финальную карту, попросив судью Пека отклонить шесть пунктов обвинения, выдвинутых против Римуса Налоговой службой за неуплату налогов. Он согласился, удовлетворив ходатайство.

Римус расслабился: он справился с половиной правительственных претензий еще до начала совещания присяжных.

В 6 часов вечера 16 мая судья Пек отправил присяжных совещаться, и через два часа те вынесли вердикт. Время было позднее, в зале осталось совсем немного народу. Римус и его подельники сидели в полном молчании, когда председатель жюри протянул запечатанный конверт с вердиктом окружному клерку. Тот распечатал конверт.

– Джордж Римус – виновен, – прочитал клерк и замолк. Затем одно за другим он читал остальные имена, и после каждого звучало то же слово “виновен”. Когда он закончил, судья Пек попросил обвиняемых выйти вперед.

– Джордж Римус, желаете ли вы что-нибудь сказать? – спросил он.

В этот миг Римус был сам не свой и отреагировал в непривычной ему манере. Не пустился в длинный монолог из редких, понятных немногим слов, не вскричал пронзительно, не вцепился себе в волосы, не заговорил о себе в третьем лице. Он лишь нервно сглотнул и голосом таким глухим и хриплым, что тот едва протолкнулся сквозь гортань, прошептал:

– Мне нечего сказать.

Судья Пек назначил максимальное наказание: два года в федеральной тюрьме Атланты и 10 000 долларов штрафа. За незначительное “препятствие правосудию” в Долине Смерти Римус получил дополнительно год в тюрьме округа Майами в Трое, штат Огайо. Его соратники получили разные сроки – от года до восемнадцати месяцев в Атланте и штрафы от тысячи до пяти тысяч. “Сам воздух словно стал суше, когда жюри объявило свой вердикт, – как выразился один из присутствовавших. – Участь нарушителя закона тяжела, но участь жаждущих граждан много тяжелее”.

В Вашингтоне Виллебрандт получила телеграмму от партнера Дикерсона, Томаса Морроу, сообщающую добрые вести. И телеграфировала ему в ответ: “Мои поздравления с тем, как блистательно вы и мистер Дикерсон разобрались с этим делом. Это подлинный триумф и вызывает огромное удовлетворение в нашем департаменте”.

В то же время она пришла в ярость от того, что судья Пек отклонил обвинения против Римуса в нарушении постановлений об уплате налогов. Она составила отдельное письмо Морроу, попросив его подготовить документы на апелляцию и направить их в Вашингтон как можно скорее. Она надеялась оспорить решение по делу против Римуса в Верховном суде страны.

* * *

Через час после того, как Римус получил приговор, Имоджен в откровенном алом платье явилась в канцелярию суда, чтобы внести залог за мужа и его товарищей. Их должны были освободить до того момента, пока приговор не вступит в силу, но Римус вообще не собирался отправляться в тюрьму. В голове его стремительно плелась паутина планов. Он дал распоряжение адвокатам готовить апелляцию, которую намеревался подать в Верховный суд. Попутно связался с Джессом Смитом и назначил срочную встречу в Вашингтоне. Смит обещал, что обвинения не будет. Сейчас, когда Римуса все же приговорили, он хотел, чтобы Смит выполнил хотя бы второе обещание – что бутлежер ни дня не проведет за решеткой.

Они встретились вновь в отеле “Вашингтон”. Смит ждал, одетый в деловой двубортный костюм, дополненный модным кожаным ремнем. Римус, не испытывавший сейчас “ни тени сочувствия” по отношению к Смит, не стал терять время на любезности.

– Обвинение готово, – начал Римус. – Мы влипли, если Апелляционный суд не отменит это решение. Какую помощь вы можете предоставить?

– Даже если Апелляционный суд утвердит решение, это не имеет значения, – ответил Смит. – Я вытащу вас оттуда.

Римус усомнился. Его поведение на суде определялось уверенностью, что его оправдают, и сейчас он хотел, чтобы Смит осознал, какой ущерб уже нанесен.

– Ни один из моих ребят не стал бы свидетельствовать в деле “Соединенные Штаты против Римуса”, – пояснил он. – Я был абсолютно уверен, что никого не признают виновным. Если бы я выступил со свидетельскими показаниями по своему делу, я бы вывел из игры по меньшей мере человек восемь-девять, которые сейчас приговорены, на том основании, что шофер или офисный клерк, помещающий деньги в банк, ничего не знали о преступной составляющей... В таком случае присяжные безусловно признали бы всех этих людей невиновными.

Смит настойчиво повторил:

– Апелляционный суд, несомненно, отменит решение суда первой инстанции.

– На основании чего вы это утверждаете? – настаивал Римус.

– На основании моей дружбы с генеральным.

Римус поразмыслил. Он знал, что и в Вашингтоне, и в Огайо поговаривали, будто генеральный прокурор Гарри Догерти имел свою долю в “Круге”. Чтобы противодействовать этим слухам, Догерти пришлось позволить Виллебрандт и федеральным обвинителям в Цинциннати довести его дело до суда. Вполне вероятно, что после публичного процесса Догерти будет чувствовать себя свободнее и попросит кое-кого поговорить с некоторыми судьями, негласно проверяя силу своей власти.

Смит ждал. Невысказанное требование витало в воздухе: услуга стоит денег – гораздо больше, чем те триста тысяч, что Римус уже выплатил. Римус раскрыл бумажник, отсчитал двадцать тысячных купюр и сунул пачку денег в выжидательно протянутую руку Смита.

Римус вернулся в свой номер, опасаясь, что этого все же недостаточно. Возможно, достаточной суммы вообще не существует.

* * *

Расставшись с Римусом, Смит прошел несколько кварталов на северо-запад, до Маленького зеленого дома на К-стрит. Здесь он встретился с Гастоном Минсом, своим партнером по сбору денег с бутлегеров. В прошлом частный детектив, а ныне специальный агент Бюро расследований, Минс был человеком сомнительным, мошенником, чей список правонарушений включал в себя обвинение в убийстве и фабрикацию обвинений против якобы немецких шпионов. Впрочем, его темное прошлое не беспокоило директора Бюро Уильяма Дж. Бернса, который считал, что оно лишь помогает заниматься сыском и, при необходимости, рэкетом.

Минс и Смит разработали систему: Минс в основном действовал за сценой, собирая досье на бутлегеров и выясняя, кого потрясти насчет разрешений на вывоз спиртного и мзды за “крышу”. Затем он передавал информацию Смигу, а тот лично встречался с бутлеге́рами, напирая на свои связи с генеральным прокурором Догерти, чтобы укрепить доверие. Время от времени Минс собирал денежки напрямую с бутлегеров, но только после того, как Смит провел необходимую подготовку.

Из такой поездки в Нью-Йорк сейчас и вернулся Минс. В “Вандербильт-отеле” на Манхэттене агент всегда снимал один и тот же номер – 518. На столе в центре комнаты стоял большой стеклянный аквариум, наполненный зелеными банкнотами. Затем Минс прятался в соседнем 517-м номере и подглядывал через просверленную дырочку. Помимо изучения досье, Минс нанял еще двадцать пять “жучков из уголовного мира”, доносивших о доходах бутлегеров, чтобы он мог прикинуть размер будущей мзды. В назначенный час бутлеге́ры входили в пустой отельный номер 518 и опускали в аквариум оговоренную сумму, в среднем набиралось около 60 000 долларов в день.

В Вашингтоне Минс записывал каждый взнос в блокнот и передавал деньги Смигу, который соединял их с полученными от Римуса. Смит отсчитывал часть себе, еще одну часть – для Комиссара по запрету спиртного Роя Хейнеса и возвращался домой, в гостиничный номер, который делил с генеральным прокурором Догерти.

Минс видел в обвинении Римуса дополнительные возможности, шанс собирать дань непосредственно с крупнейших бутлегеров страны, не делясь доходами со Смитом. Он пригласил Римуса к себе домой. Они встречались раньше, всякий раз в присутствии Смита, но Минс никогда не видел бутлеге́ра в таком состоянии – “с совершенно расшатанными нервами”, с багровым лицом и размахивающего руками, как матадор.

Минс предложил свои услуги, подчеркнув, что Смит не сумел предотвратить обвинение в суде и что сам он гораздо лучше уладит дела Римуса в апелляционных инстанциях. Цена вопроса – скромная одномоментная выплата 125 000 долларов. Четверть пойдет директору

Бюро, четверть – Догерти, четверть – председателю Верховного суда Уильяму Говарду Тафту и четверть – самому Минсу.

Римус обдумал предложение. Если директор и генеральный прокурор вполне могли быть задействованы в такой схеме, то председатель Тафт – точно нет. А если Минс всерьез решит обратиться к Тафту, это лишь усугубит положение Римуса. Гораздо более вероятно, что Минс и не собирается никого посвящать в проблемы Римуса, а просто прикарманит его денежки. В такой ситуации у Римуса не оставалось иного выбора, кроме как довериться Джессу Смигу.

Он отказался и ближайшим поездом вернулся в Цинциннати, стремясь поскорее попасть домой к Иможен. Подъезжая к воротам поместья, Римус увидел, что от приговора есть одна несомненная польза: агент Бюро не торчал больше перед его домом, что-то выжидая и вынюхивая.

И Римус тут же выбросил его из головы.

Показания Эмануэля Кесслера

В: Встречались ли вы с Франклином Л. Доджем в Нью-Йорке?

О: Да, я встречался с ним в Нью-Йорке.

В: И где именно вы с ним встречались?

О: Он пришел в мою контору на Бродвее, № 1841, и сказал, что у него есть на продажу сертификаты на виски. А я сказал: “Это сертификаты Римуса”. А он сказал: “Да, я хочу их продать; у меня их больше чем на 300 000 долларов”.

В: Он отрицал, что это сертификаты Римуса?

О: Нет, не отрицал.

Жуткий, жуткий крик

Тем летом Римус мог только ждать, пока адвокаты подготовят апелляцию. Имоджен, стараясь отвлечь его, предложила съездить в Чикаго. Он согласился, и они все втроем, с Рут, собрали чемоданы. Поехали в автомобиле с личным водителем. Рут сидела впереди, Римус с Имоджен – на заднем сиденье.

Поездка получилась чудовищной. Духота и напряжение заволокли салон автомобиля. Постоянно, едва ли не раз в несколько минут, приходилось переезжать железнодорожные пути, Имоджен жутко нервничала из-за этого. Ей не нравились ухабы, тряска и вероятность, неважно насколько слабая, что внезапно из-за поворота появится поезд и в одно мгновение оборвет их жизни. Она попросила шофера ехать помедленнее, потом попросила еще раз – почти умоляя, обхватив лицо ладонями. Римус взорвался. Он не желал слышать никаких жалоб. Она умудрилась приумножить его тяготы, вместо того чтобы избавить от них. Он сказал Имоджен нечто “не очень приятное”, как позднее описывала Рут, и их перепалка продолжалась, пока Римус наконец не похлопал водителя по плечу.

– Останови, – приказал он и выругался такими словами, которые Рут не могла повторить. Обернулся к Имоджен. – Выметайся, – сказал он, грубо выталкивая ее из машины.

Она подчинилась. Римус выбрался следом, обогнул машину и занял водительское место. Шофер подвинулся на соседнее сиденье, вытеснив из кабины Рут.

Римус резко рванул с места, оставив жену и падчерицу стоять на обочине. Автомобиль дернулся так резко, что едва не потерял управление, но Римус тут же вдавил педаль тормоза в пол, срывая сцепление. Автомобиль, жалобно заскулив, покорился. Римус подождал, пока подойдут Рут с Имоджен. Вновь сел рядом с женой сзади, махнул Рут, чтобы та вернулась. Шофер тронул с места, на этот раз медленнее, и дальше они ехали в полном молчании.

Рут сохранила и другие неприятные воспоминания того лета. Однажды вечером они всей семьей играли в карты и Римус проиграл. Он перевернул стол – и карты веером разлетелись по полу.

Имоджен ахнула:

– Джордж, ну как тебе не стыдно?

В ответ Римус схватил первое попавшееся на глаза оружие – тяжеленную металлическую коробку конфет “Синтон”, лежавшую на соседнем столике, – и метнул ее прямо в Имоджен, которая успела вовремя пригнуться.

Вскоре после этого инцидента Римус пригласил Имоджен для разговора. Он сказал, что хотел бы стать официальным владельцем дома, переделать документы и вписать в них свое имя.

Имоджен отказалась наотрез. Это ее свадебный подарок и принадлежит только ей.

До Рут донесся “жуткий, жуткий крик” из комнаты Имоджен, и она бросилась на звук. Римус, не замечая падчерицы, прошагал по коридору мимо. Рут вспоминала, что обнаружила мать на кровати, тонкая струйка крови стекала у нее из носа.

Супруги помирились, как и всегда.

* * *

Иногда Римус находил способ усмирить свою бешеную энергию и спастись от мрачных мыслей. Как-то, уже в конце лета, он возвращался домой и застал на подъездной дорожке двух соседских подростков, благоговейно глазевших на его дворец. Мальчишкам на вид было примерно столько же, сколько ему, когда он бросил школу и начал работать в аптеке, и Римуса охватило безудержное желание поговорить с ними.

Он нажал на клаксон, мальчишки испуганно отскочили в сторону.

– Простите, что напугал, – начал Римус, а потом предложил парням охладиться в бассейне; они могут поплавать прямо в нижнем белье, а после обсохнуть на солнышке. “Это был скорее приказ, чем приглашение”, – вспоминал позже один из мальчиков, и они, конечно, сделали то, что было велено.

Через час Римус пришел за ними и повел в дом. Длинным узким коридором они прошли в гостиную и словно попали в мечту: стены, украшенные красным с золотом, целая армия белоснежных статуй в человеческий рост, золотой рояль, блестящий так, что глазам больно. “Когда мы с приятелем подходили к камину, возле которого стоял Римус, – вспоминал мальчик, – я чувствовал себя так, словно пробираюсь сквозь сугробы”.

Римус подпернул ремень и позвал ребят в столовую, где они сели за обеденный стол красного дерева размером с субмарину – Римус во главе, гости по бокам. Появился лакей с блюдом сэндвичей с индейкой и сияющим серебряным кувшином молока, которое парнишки пили из изысканных бокалов с орнаментом из цветов и виноградных листьев. Они надеялись услышать рассказы из жизни бутлегеров и гангстеров, но вместо этого Римус прочел им лекцию о культурных и финансовых выгодах полноценного образования. Сам он изучал естествознание, медицину и юриспруденцию, и вот теперь великолепие и роскошь его жизни далеко превосходят все, о чем он осмеливался мечтать в их годы. “Римус был бедным мальчиком, – сказал он им. – Но Римус всегда был отличным студентом”. Если они будут много трудиться, вкладываться по полной, наставлял он, то смогут стать такими же, как он, когда вырастут.

* * *

6 октября 1922 года Верховный суд Иллинойса лишил Римуса адвокатской лицензии на основании обвинений в совершении преступления. Жизнь его превратилась в череду унижений, и, разумеется, ни одно из них не укрылось от внимания его старых коллег, включая Кларенса Дэрроу, с которым они выступали партнерами по некоторым делам. Римус не считал наказание справедливым, поскольку сам сухой закон был, по его мнению, несправедлив. И он нарушал этот закон более добросовестно, чем прочие граждане: “Римус продавал хорошую выпивку” – как он всегда говорил. Он презирал тех, кто “разбодяживал” отличный чистый виски до состояния непригодного для питья (это в лучшем случае, а в худшем – смертоносного), добавляя в свой продукт сахар, воду или метиловый спирт, не беспокоясь, что покупатель может ослепнуть, сойти с ума или даже помереть. Он всегда был профессионалом – некогда в качестве юриста, теперь в качестве бутлегера. И вдруг эту часть его сущности взяли и откромсали без всякой на то причины.

Он ждал удобного случая, чтобы собрать и выплеснуть весь свой гнев. Прошло четыре дня с момента утраты лицензии, когда случай представился.

Римус ездил по делам в Кентукки и, вернувшись среди ночи, с удивлением обнаружил, что Иможден нет дома. Слуга доложил, что она с подружками отправилась вместе с каким-то торгашом по имени Насим Шаммас в Индианаполис и вернется только к утру.

Римус достаточно был наслышан о Шаммase, чтобы считать его жуликом с дурной репутацией, который приторговывает дрянными поддельными коврами и тканями, подержанными автомобилями и вообще всем подряд, что сумеет всучить доверчивым покупателям. Римус запретил Иможден связываться с ним и теперь был в ярости из-за ее пренебрежения его словами. Он точно знал, где искать жену, – в “Клейпуле”, их любимом отеле в Индианаполисе. Римус вернулся в машину и приказал шоферу гнать на запад. Он прихватил с собой “утяжеленную” трость, в которую с одного конца был залит свинец, – аксессуар истинного джентльмена, в случае необходимости превращавшийся в опасное оружие.

В отеле он появился в четыре утра. Бодрый, бурлящий адреналином, он выяснил у клерка, в каких номерах остановились Имоджен и Шаммас. Одна отрада: Имоджен на пятом этаже, а ее дружок-коммерсант на седьмом.

Римус поднимался в лифте, стиснув трость в ладони.

Шаммаса разбудил стук в дверь – сначала сдержанный, но с каждым ударом все более громкий и частый, грибной дождик обернулся грозой. Он выполз из постели, приоткрыл дверь. За дверью, прижав к груди трость, стоял незнакомец.

– Какого черта ты сманил мою жену? – спросил гость. В свете электрических ламп его синие глаза сияли лазурью, огромные и страшные.

– В каком смысле? – пролепетал Шаммас.

Мужчина вставил ногу в дверную щель, не давая возможности ее захлопнуть.

– Какого черта ты сманил замужнюю женщину в Индианаполис? – повторил незнакомец, ткнув тростью вперед.

– Ну, у нас тут есть дела.

– Знаешь, это не по-мужски.

– Ну, я не имел в виду ничего дурного, – оправдывался Шаммас, запоздало сообразив, что его слова только больше раздражают визитера.

– Ну что ж, ты не имел права так поступать. – И мужчина ворвался в комнату. Он занес трость над головой, подобно мечу, и с дикой силой опустил ее прямо на голову Шаммаса.

Римус наблюдал, как ноги Шаммаса сложились, как мехи аккордеона. Тело распростерлось на полу. Римус ударил еще раз. Человек на полу застонал и затих. Римус оглядел безвольно распростершееся у его ног тело жертвы и набалдашник трости, липкий от крови.

Показания Эммета Керджина

В: Вы беседовали с миссис Римус?

О: Мы встретились в Рагленде, в конторе “Диксон & Вильямс”, миссис Римус ждала в приемной, когда я вошел, она подошла ко мне, и мы пожали руки друг другу. Я уже встречался с ней однажды... Она сказала: “Я боюсь этого человека, боюсь, что он убьет меня. Он патологически ревнив и если вдруг войдет сюда и увидит, как мы беседуем, то вполне может пристрелить нас обоих”.

Необычайно длинный средний палец

Утром 29 ноября 1922 года, готовясь выступить в Верховном суде Соединенных Штатов, Виллебрандт стояла в своей гардеробной и прикидывала, что надеть. Будь ее воля, она бы и секунды не раздумывала. Но с первых дней работы в этой должности газетчики пристально следили за покроем ее платья, прической, высотой каблуков и достоинствами фигуры, как будто такое внимание помогало проникнуть в суть шаткого положения женщины в Америке.

Глаза ее были “огромными, серьезными, честными [и] карими”, если верить “Нью-Йорк таймс”, в то время как остальные издания считали их голубыми или серыми. Ее “неизменный рабочий наряд – строгого покроя костюм, дополненный простой и безукоризненно белой блузкой”. Хотя дома она предпочитала “элегантные изысканные платья, с мягкими складками и цветком на поясе или на плече”. Она была “воплощенная женственность”, хотя “не любила думать о себе так”. Она не была “безупречно хороша”, поскольку черты ее “были слишком крупными и сама она чересчур серьезна”. Впрочем, лицо у нее было “умное”. Она “не толстая”, но страдает “некоторой полнотой”. На торжественном приеме в честь Ассоциации женщин-юристов Мейбл Уокер Виллебрандт предстала в “великолепном образе” – в “черном, расшитом блестками платье”. В завершение вечера, когда присутствующие выстроились в очередь, чтобы лично выразить ей уважение, ее вывел из себя один инцидент.

Маленький человечек выскочил вперед. Его голова едва доставала до края моего стола, стоявшего на возвышении. Он вскинул руку и заявил: “Я искренне хочу пожать вашу руку, потому что не должен уйти, не сказав вам, что у вас самые прекрасные глаза, которые я когда-либо видел на человеческом лице. Они идеально прекрасны”.

Полагаю, в этот момент мои глаза уже вполне ясно кое-что выражали, поскольку он торопливо воскликнул: “О, не поймите меня превратно. Я пожилой человек, у меня четыре дочери, я президент Бруклинской ассоциации юристов, насчитывающей 1100 членов, но я никогда в жизни не видел таких удивительных глаз”.

Наверное, я повела себя грубо, тут же ответив ему: “Жаль, что мои глаза не могут отвечать на любезности, сама я уже не в силах это сделать”.

Виллебрандт ненавидела эту “девчачью хрень”, как она говорила сама, и в письмах родителям жаловалась: “Какого черта они переходят на эти идиотские «девчачьи» описания всякий раз, когда рассказывают о профессиональной деятельности женщин, – это просто невыносимо”. В то же время она вынуждена была подыгрывать, пытаясь, по крайней мере на публике, соблюдать баланс: не чересчур мужественна, но и не слишком женственна; не дерзка, но и не застенчива; не равнодушна, но и не чрезмерно эмоциональна; не слишком много и не слишком мало чего угодно, что могло бы подчеркнуть достоинства ее пола, а не ее работы. “Я стараюсь не думать о себе как о женщине, выступая перед присяжными, – сказала она журналисту Вашингтонской «Ивнинг стар». – Я не хочу сказать, что женщины должны стать мужеподобными, – они должны просто забыть о себе как о женщинах”.

Она “забывала о себе” много раз с тех пор, как получила эту должность; самый запоминающийся случай – ужин у генерального солиситора Джеймса Бека. Она приняла приглашение, хотя никогда не соглашалась со взглядами Бека; он был “один из тех воинствующих анти-суфражистов” и “анти-всего-сколько-нибудь-прогрессивного”. Явившись на ужин, она увидела двенадцать коллег из Министерства юстиции, но без жен, и оказалась единственной женщиной в зале. “Это мальчишник, – догадалась она, – а я здесь единственная самка”. Бек, видимо, пригласил ее из приличия – и ожидал, что она откажется.

Тем ноябрьским утром, роясь в гардеробе, выбирая подходящий костюм и свободную блузку, прикрывая прической слуховой аппарат, от которого в последнее время было все меньше толку, она вновь пыталась забыть о себе. Ухудшающееся здоровье также было среди главных новостей в письмах к родителям. “Мрачная тень глухоты почти накрыла меня, – писала она. – Ведь, мамочка и папочка, дорогие мои, когда отовсюду, прямо и косвенно... я слышу самые безудержные и нелепые восторги по поводу моих талантов в ведении дела в суде и когда председательствую на утомительных совещаниях, горькое чувство вскипает во мне от их восхвалений, и я думаю: «Черт бы вас побрал, вы считаете, что это хорошо, да вы не представляете, на что я была бы способна, если бы не эта постоянная борьба с самой ужасной бедой, о которой вы и понятия не имеете»”.

Она пыталась забыть о себе, когда ехала в такси от своей новой квартиры на 16-й улице до Капитолия на 1-й, когда входила в Старую палату Сената с ее куполообразным потолком, кожаными креслами и золоченым резным орлом и когда заявила Верховному суду, что Джордж Римус занимался продажей алкоголя, не уплатив положенные по закону налоги. Она настаивала, что штрафы, обозначенные в обновленных постановлениях закона о налогообложении, “крайне важны для исполнения Закона о запрете”. Она пояснила, что, взимая налоги с бутлегеров, правительство вовсе не “ставит печати «одобрено» на этом незаконном бизнесе”. Незаконная деятельность не должна быть освобождена от уплаты налогов, которые и в случае ее законности следовало бы платить.

Месяц спустя суд вынес решение, оглашенное судьей Оливером Уэнделлом Холмсом. Соответствующие налоговые постановления, принятые до ратификации сухого закона, были обновлены 23 ноября 1921 года. Однако подпадающие под их действие правонарушения не подлежали наказанию, если были совершены между этой датой и вступлением закона в силу. Облава в Долине Смерти и арест Джорджа Римуса произошли в октябре 1921 года, таким образом он освобождался от ответственности за неуплату подоходного налога. Виллебрандт опоздала всего на месяц.

Она обрела утешение в более масштабной победе: суд согласился с ее доводами в пользу того, что бутлегеры обязаны платить налоги. В письме родителям она признавалась в своем восхищении Холмсом – “которого я нежно люблю, издавека” – и своем юридическом триумфе. “Поскольку все были убеждены, что здесь мне не выиграть, – писала она, – это сочли выдающейся победой, и поздравления хлынули потоком”.

Что касается Римуса, Виллебрандт намеревалась сделать все, что в ее силах, чтобы отправить его за решетку.

А тем временем она сосредоточила внимание на “Четверке из Саванны” – бутлегерском синдикате с Юга. Его главе Уилли Харру, известному как “Адмирал бутлегеров”, принадлежал целый флот судов, которые доставляли спиртное из Шотландии, Франции и Нассау; затем его прятали в рукотворных цементных пещерах по всему американскому побережью. Там же люди Харра раскладывали виски по ящикам с надписью “фрукты” или “картофель”, грузили на автомобили, поезда и грузовики, направлявшиеся к пунктам назначения по всей стране. В каждом городе местным “сухим” агентам платили, чтобы те не замечали поставок. “Четверка из Саванны” чувствовала себя настолько защищенной и была настолько убеждена в своей неуязвимости, что даже свою подопечную бейсбольную команду они называли “Бутлегеры”.

Виллебрандт опасалась, что прекратить их бизнес будет трудно, ибо, по ее мнению, офис генерального прокурора в Саванне “хуже чем бесполезен”, а глава местного офиса Бюро “насквозь прогнил”. Комиссар Рой Хейнес отправил туда своих людей, и все они были либо куплены, либо тут же раскрыты. “Уже через несколько дней работы агентов в городе, – писала она, – бутлегеры предупреждают их: «Лучше бы вам отсюда убраться, парни, мы знаем, откуда вы»”.

Убежденная, что сможет добиться большего, Виллебрандт отрядила команду из пятнадцати агентов Бюро расследований действовать под прикрытием, в роли партнеров или потенциальных клиентов бутлегеров. Она вспомнила блестящую работу Франклина Доджа по делу Римуса, в том числе его круглосуточные наблюдения за домом бутлегера, и потребовала, чтобы этот агент отправлял отчеты непосредственно в ее отдел. Додж должен был действовать под псевдонимом “Ф. Л. Делай”. У Виллебрандт для Доджа тоже было прозвище: “Ас расследований”.

* * *

Если Доджу Виллебрандт доверяла безоговорочно, то ее босс Гарри Догерти вызывал у нее все большее беспокойство. Совсем недавно на генерального прокурора обрушился град обвинений со стороны политических противников: он не смог обеспечить безопасность железных дорог; медлил с принятием мер против мошеннических военных поставок и спускал на тормозах нарушения антимонопольного законодательства. Назначение неоднозначной фигуры Уильяма Дж. Бернса на должность главы Бюро расследований лишь подчеркнуло недалекость и фаворитизм генерального прокурора Догерти. В целом ситуация способствовала эмоциональной и политической уязвимости генерального прокурора. “Он в гораздо более рискованном положении, чем можно представить, – писала Виллебрандт родителям, – и если он номинально останется главой министерства, я, не испытывая угрызений совести, подала бы в отставку, пожелав ему проблем в выборе женщины-заместителя”.

Как и все в Вашингтоне, она слышала, будто Догерти косвенно замешан в делах Римуса. Тем не менее он никогда не препятствовал ей в процессе расследования и частенько удивлял своей благосклонностью. “Ну не душка ли он? – писала она матери. – Он определенно высоко ценит верную службу – я не всегда делаю то, что, как мне кажется, он хочет! Он прислал телеграмму, что следует отложить дело по сухому закону, а я в ответ отправила телеграмму, что, несмотря на его распоряжение, я не стану этого делать, поскольку считаю это ошибкой, и он сообщил прокурорам – мое решение прошло!” Генеральный прокурор не упускал случая высказать комплимент в ее адрес, однажды поведав суфражистке Гарриет Тейлор Эптон, что у него “непревзойденная женщина-заместитель. Она даст фору любому мужчине по части рассудительности и здравого смысла, да и меня заодно убедит!”

Чувствуя полную поддержку Догерти, Виллебрандт даже позволяла себе временами мелкую месть. Когда министр финансов Эндрю Меллон, которого она не переваривала, потребовал отложить вынесение обвинительного вердикта в Питтсбурге, она радостно сказала ему “нет”. И, как призналась потом матери, “чертовски здорово повеселилась”.

Как-то раз в Министерстве юстиции Виллебрандт отозвала Догерти в сторонку и попросила позволения взглянуть на его ладонь. Она всегда интересовалась всякой эзотерикой и оккультизмом – астрология, карты Таро и прочие нетрадиционные методы изучения личности – и была преданным адептом хиромантии. Газеты регулярно упоминали невероятное изящество ее руки, с восторгом отмечали “низко расположенный большой палец” и “необычайно длинный средний палец”, “сильное и упругое” рукопожатие. “Если хотите устроиться в удобном кресле на террасе, отхлебнуть прохладительного коктейля, не содержащего ни капли алкоголя, и погрузиться в то умиротворяющее благостное чувство, что вашей страной руководят адекватные люди, просто внимательно посмотрите на руки помощницы генерального прокурора Соединенных Штатов, – написал как-то журналист «Атланта джорнал». – Никогда прежде мы не видели рук, демонстрирующих столько силы, здравомыслия и мудрости”.

Догерти уступил, протянув руку ладонью вверх. Виллебрандт молча изучала главные линии – жизни, сердца и ума – и второстепенные – отношений, интуиции и судьбы. Она отметила, какие из них глубоки, а какие едва заметны, как далеко тянутся и где исчезают, какие

разделяются на несколько мелких и расходятся в разных направлениях, а какие похожи на звездочки, кресты или цепочки.

Через минуту прогноз был готов. Она увидела, что генеральному прокурору грозит скорая отставка, но побоялась сообщить ему об этом.

* * *

Несмотря на вынесенный приговор, Римус выискивал возможности остаться в алкогольном бизнесе – даже на законном основании, если придется. Его многочисленные винокурни по всей стране пухли от залежей товара, и он жаждал добраться до этих месторождений и распродать их. С этой целью он пригласил на встречу в отель “Синтон” старого товарища-бутлегера “Джу Джона” Маркуса.

Римуса всегда восхищал послушной список Маркуса; тот называл себя одним из первых контрабандистов виски в Соединенных Штатах. В прошлом карманник и игрок в Тихуане и Хуаресе, он возил спиртное из Мексики в “сухие” южные штаты задолго до введения федерального запрета спиртного. В Цинциннати он действовал как независимый агент, поставлял виски в разные города, получая комиссионные с каждой партии. Некоторые из его клиентов жили в Сент-Луисе, и он был на короткой ноге с коррумпированными городскими политиками. А еще говорили, что Маркус – отчаянный и бесстрашный (и опытный) киллер, который, по словам одного знакомого, “прикончил многих конкурентов”.

Римус и Маркус потребовали столик в зале, предназначенном исключительно для мужчин, где в воздухе клубились облака сигарного дыма. Официанты сносили с подносами, нагруженными шпигованным говяжьим филе и фирменным напитком “Синтона”: газированный виноградный сок в двухдолларовых бутылках, закупоренных пробкой. Менеджер отеля давно предрек, что с этой выдумкой “проблема сухого закона практически решена”.

Перегнувшись через стол, Маркус сообщил, что у него есть для Римуса ценная наводка: винокурня “Джек Дэниэлс” в Сент-Луисе может отойти к нему за вполне разумную сумму.

– Я не собираюсь покупать заводы, – отказался Римус. – У меня своих хватает. Мне нужно вытащить виски из тех, которые уже принадлежат мне.

– Ну, есть одно место, откуда можно запросто добыть товар, – сказал Маркус и выложил предысторию. Один из клиентов-политиков, Джек Кратц, обратился к нему насчет возможности “выдоить” винокурню “Джек Дэниэлс” в городе. Маркус сказал, что с работой такого масштаба может справиться только один человек – Джордж Римус из Цинциннати. Несколько верных людей – и никакого риска. Кратц, заинтересовавшись, попросил Маркуса их познакомить.

Римус настоял, чтобы Кратц приехал в Цинциннати. В беседе он поделился опасениями по поводу будущих проблем с законом. Кратц пообещал, что их прикроет друг, которого он назвал “самым влиятельным республиканцем в Сент-Луисе”.

– Вы уверены, что ему можно доверять? – уточнил Римус.

– Полностью, – заверил Кратц.

– Хорошо, – согласился Римус. – Я приеду через несколько дней, и мы прощупаем почву.

* * *

Но Римус все еще сомневался. Вся эта затея раздражала его как дилетантская и бестолковая, замешанная на личной дружбе и политических связях. Для участия в подобной афере нужно больше гарантий. Он обсудил дело с юристами, бывшими торговцами виски, демократами и республиканцами, прошлыми и нынешними, второстепенными политиками, рвавшими отхватить кусочек пирога. Все они дружно заявили, что могут “разобраться” с местным директором департамента государственных сборов. Чей-то брат займет место обычного

“замерщика” на складе, который ведет учет вывозимого виски. О полиции можно не беспокоиться. Если Римус выделит определенную сумму – скажем, 125 000 долларов, – он получит 60 процентов прибыли.

Римус, как всегда, посоветовался с Имоджен. Они уже помирились после инцидента в Индианаполисе, когда Римус до полусмерти избил Насима Шаммаса тростью со свинцом. Имоджен объяснила, что просто хотела поменять автомобиль и что Шаммас предложил хорошую сделку. Ничего больше и не предполагалось; ничего больше и не было. Римус принял объяснения, провозгласил “инцидент исчерпанным”, оставив его в прошлом. Сейчас, выслушав подробности аферы с винокурней “Джек Дэниэлс”, Имоджен решила “вложить личные средства” – 28 000 долларов. Здесь они были партнерами.

Римус отвечал за изъятие, четко планируя, каким образом и в течение какого времени алкоголь будет вывезен. Он посетил винокурню в Сент-Луисе, она размещалась в обшарпанном кирпичном здании на Данкан-авеню, 3960, и занимала почти целый квартал. Склад, где хранились бочки, располагался на втором этаже. Прогуливаясь вокруг, он увидел, как можно проверить дело, каждый элемент встал на свое место.

Он привезет электрический насос со своей винокурни “Флейшман” в Цинциннати. Его люди просверлят дыру в перекрытии и протаскают шланг в котельную. Потом шланг вытащат в окно и через узкий проход между зданиями заведут прямо в гараж. Они установят сигнальную систему; когда грузовик въедет в гараж, один звонок будет означать сигнал ребятам запускать насос, два звонка означают, что бочки полны.

Поскольку разрешения на вывоз у них не было, виски придется забирать постепенно. Римус насчитал 896 бочек, по 40 галлонов каждая. Разумно было бы откачивать по шесть галлонов из каждой бочки за раз, доливая водой и спиртом, чтобы поддерживать градус. Каждая “дойка” дала бы 5000 галлонов виски, который можно продать по тридцать долларов за галлон, что – за вычетом взяток чиновникам – вернет их вложения. В конце года, когда пройдет учет, он вывезет еще пять тысяч галлонов. 150 000 долларов от продажи будут “чистой прибылью”, думал Римус, из них 75 000 уйдут ближнему кругу, и на этом этапе угроза раскрытия минимальна. Он рад будет подождать год, признавался он другу. “В подобных обстоятельствах следует быть терпеливым”.

Римус чувствовал себя чуть спокойнее, когда думал о будущем, – как будто угрозы тюрьмы больше не существовало и впереди у него была вся жизнь, огромная и чистая.

Он решил в последний раз поговорить с Джессом Смитом насчет “крыши”.

* * *

Во вторник 29 мая, в 6:30 утра, Джесс Смит, в пижаме и халате, стоял на коленях в спальне, свесив голову над мусорной корзиной.

За минувший год все грани его жизни поблекли и съезжились. Ему пятьдесят один, и тело подводит его. Год назад ему удалили аппендикс, но он так и не оправился полностью после операции – ни физически, ни психологически. Его лучший и вернейший друг Гарри Догерти замечал происходившие в нем изменения. Смит помрачнел. Политические нападки и оскорбления оставляли зазубрины в его душе как никогда прежде. Он всегда гордился своими отношениями с Гардингом и хвастался как одной из величайших почестей в жизни, что сопровождал избранного президента в его поездке в Панаму прямо накануне инаугурации. Смит ничего не желал так сильно, как испытать это чувство еще раз – гордо встать рядом с людьми, которые вершат дела мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.